

история XX века

Русские отряды на французском и македонском фронтах

судьбы
события
документы
версии

Юрий Никифорович Данилов
Русские отряды на французском и
македонском фронтах (1916-1918 г.г.)
Серия «История XX века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190437

*Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916-1918 гг. / Ю. Н. Данилов: Кучково
поле, Киммерийский центр; Москва; 2010
ISBN 978-5-9950-0123-2*

Аннотация

Книга Ю. Н. Данилова, генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего, одного из главных разработчиков стратегических операций русской армии 1914–1915 годов, повествует о героических сражениях русского экспедиционного корпуса против Германии на фронтах Франции и Македонии в 1916–1918 годах. Книга адресована всем, кто интересуется военной историей Отечества.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	27
Глава IV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юрий Данилов

Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг.

*Посвящается памяти тех русских воинов, входивших в состав экспедиционных войск, которые честно исполнили свой долг перед Россией и кто положил свою жизнь, или пролил свою кровь на полях Франции и Македонии, во имя славы своей Родины.
1916–1918 гг.*

ИСТОЧНИКИ:

I. При составлении настоящего труда главнейшими источниками служили дела Военно-исторического архива французского Военного министерства.

(Изучено свыше 150 дел.)

II. Кроме того, автор труда пользовался материалами из следующих печатных трудов:

1) L'offensive française de 1917, Henri Galli.

2) L'offensive de 1917, Commandant de Civrieux.

3) L'offensive de 16 Avril, Jean de Pierrefeu.

4) La campagne de Macédoine (1916–1917, 1917–1918), Colonel F. Feyler.

5) La conquête d'Athènes (Juin-Juillet 1917), Général Regnault.

6) Le commandement unique (II-ème partie: Sarrau et les armées d'Orient), Mermelx.

7) Mon commandement en Orient (1916–1918), Général Sarraail.

8) История Марокканской дивизии.

9) Русские войска во Франции и Салониках. Н. Валентинов.

10) Участие русских войск в действиях французской Восточной армии на Солунском фронте 1916–1917. (Статья в газете «Новое Время» В. Артамонова).

11) Годовой отчет Комитета помощи русским волонтерам.

12) Газета «Солдат-Гражданин» за 1917–1919 гг.

III. Печатные труды и устные свидетельства некоторых участников событий на французском и македонском фронтах. (Печатные труды собраны в Bibliothèque et Musée de la Guerre, Chateau de Vincennes.)

Предисловие

В период Мировой войны русские войска принимали непосредственное участие в боевых действиях на заграничных фронтах. Для этой цели Россией были сформированы четыре отдельные пехотные бригады, которые, по две, были направлены на французский и македонский фронты.

Пребывание этих частей во Франции и на Балканах характеризуется не только революционными переживаниями; русские войска умели и умирать, и во всяком случае, выполнили серьезную боевую работу, о которой общество, к сожалению, мало осведомлено.

Запечатлеть в его памяти доблестные боевые действия этих изолированных частей русской армии и отметить легендарные вспышки героизма и самопожертвования небольшого русского добровольческого отряда – «Русского легиона чести» (как он любил себя называть) – такова задача настоящего труда.

С внутренней гордостью за своих собратьев читатель узнает из этой книги обо всех этих действиях, а также о том, как горстка русских героев доблестно, до конца войны на западном фронте, сражалась бок о бок со своими союзниками и участвовала в их конечном наступлении вплоть до берегов Рейна. Там оставались они до конца декабря 1918 года, когда были оттянуты назад для демобилизации. Некоторое удовлетворение читатель почувствует также от сознания, что значительная часть военных контингентов, превратившись под влиянием революционного угара из солдат в рабочих, все же оказывала своим трудом нашим союзникам значительную помощь как в районе армий, так и в тылу их.

Дух и настроение многих героев – русских воинов достигали редких высот. Невольно, по поводу их, вспоминается некрасовское вещее слово: «Величие народного духа, – приблизительно сказал он, – измеряется не теми глубинами, на которые этот народ может опуститься, но теми высотами, до которых он в состоянии подняться»¹.

Предлагаемый читателю труд – есть историческое исследование, ибо в основе его лежит почти годовая архивная работа, произведенная во французских военноисторических архивах. К сожалению, русские архивные дела автором не были разысканы. Рассказ дополнен также свидетельскими показаниями тех участников событий, которые имели возможность откликнуться на призыв автора.

Работа по составлению настоящей книги, по условиям времени, могла быть закончена лишь при материальной поддержке некоторых лиц и учреждений, которые в высшей степени благосклонно отнеслись к идее, вдохновлявшей автора.

Издание книги приняло на себя «Association des officiers russes, anciens combattants sur le front français».

Всем упомянутым лицам и учреждениям приношу свою живейшую благодарность.

¹ «Орлам случается и ниже кур спускаться, / Но курам никогда до облак не подняться» (Крылов).

Глава I

Первые попытки союзников привлечь русские войска к участию в военных действиях на заграничных фронтах.

Начавшаяся в 1914 году война сложилась для Франции вначале весьма неблагоприятно. Стремительное и победоносное вторжение через Бельгию германцев создало смертельную опасность для обоеденных с севера французских вооруженных сил. Враг весьма скоро стал угрожать Парижу – столице и сердцу Франции.

Союзники Франции спешили ей на помощь. Соглашением 1893 года Россия и Франция обязались друг перед другом, при первом известии об общей мобилизации враждебного им Союза центральных держав, мобилизовать все свои вооруженные силы и сосредоточить их к угрожаемым границам. Затем, в целях согласования их дальнейших шагов, было установлено, что, в случае нападения Германии или другой державы Центрального союза, поддержанной Германией, на Францию или Россию, другое из только что названных государств должно прийти первому, подвергшемуся нападению, на помощь и использовать все свободные силы для действия против Германии.

Факт нападения Германии на Францию в августе 1914 года был налицо, и потому Россия, которой к тому же была уже объявлена Германией война, обязывалась к выполнению своих договорных по отношению к Франции обязательств.

Совещаниями начальников союзных генеральных штабов, периодически происходившими до войны, обязательства эти были уточнены в том смысле, что русское наступление против Германии должно было быть выполнено с такими силами, которые были бы способны приковать к себе от 5 до 6 германских корпусов.

В отношении направления для намечавшегося наступления бывший начальник французского Генерального штаба генерал (впоследствии маршал) Жоффри лично высказывался в 1912–1913 годах за вторжение русских войск в Восточную Пруссию с юга на Алленштейн; время же наступления было, как известно, определено начальником русского Генерального штаба генералом Жилинским, который указал на то, что сосредоточение русских войск против Германии может считаться законченным, в главных чертах, только к 15-му дню мобилизации, почему и наступление этой группы войск могло начаться не ранее этого дня.

Во исполнение установленного соглашения русские армии Северо-Западного фронта, в составе 9 полевых корпусов, под начальством генерала Жилинского, которому было вверено во время войны главное командование армиями Северо-Западного фронта, начали наступление в Восточную Пруссию 17 августа (нового стиля), или на 16-й день мобилизации французской армии. При этом для 2-й русской армии, наступавшей в обход Мазурских озер с юга, в конечном итоге, было установлено направление на Зенсбург – Алленштейн.

Этим наступлением в полной мере выполнены первоначальные обязательства России по отношению к ее союзнице – Франции.

Русское наступление в Восточную Пруссию вынудило, как известно, германцев снять с их западного фронта два полевых корпуса и одну кавалерийскую дивизию для спешной переброски на восточно-русский фронт. При этом на Восточно-Прусском театре военных действий немцы принуждены были сосредоточить армию, значительно превышавшую те 5–6 корпусов, о которых говорилось на междусоюзных совещаниях.

Со своей стороны, Англия, вынужденная германским нарушением бельгийского нейтралитета принять участие в войне, объявила мобилизацию своих сухопутных вооруженных сил 5 августа, то есть тремя сутками позднее Франции. Ее правительство решило отправить на материк для присоединения к левому флангу французских вооруженных сил экспедици-

онный корпус в составе 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий. Однако к началу серьезных боев корпус этот не успел сосредоточиться на материке и в большом пограничном сражении, кончившемся для наших союзников крайне неблагоприятно, приняли участие со стороны Англии лишь 4 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Английский главнокомандующий маршал Френч, вынужденный после боя у Монса принять со своими войсками участие в общем отходе, оценивал общую обстановку настолько пессимистично, что советовал своему правительству обратить немедленное внимание на укрепление в тылу Гавра. Запасы английского экспедиционного корпуса, находящиеся в Булони, признавались им под угрозой неприятеля.

Великобританское правительство было чрезвычайно взволновано этим сообщением. В поисках средств, которые могли бы укрепить военное положение союзников на сухопутном фронте, лондонское правительство предложило телеграфно своему послу в Петербурге сэру Бьюкенену прозондировать у русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова почву, не представится ли возможным отправить через Архангельск во Францию 3 или 4 русских корпуса, перевозку которых Англия бралась осуществить в недельный срок².

Не говоря уже о том, что Архангельск являлся, особенно по тому времени, портом, совершенно непригодным для такого рода интенсивной перевозки, данный проект, переданный на заключение русской Ставки, оказался неосуществимым, вследствие полной невозможности с одной стороны спешного выделения из состава действующей армии стольких войск в период величайшего их напряжения на фронте, а с другой – отдаленности войск азиатских округов, где только и имелись еще корпуса, не получившие к тому времени боевого предназначения.

Приведенный факт интересен для нас в том смысле, что им удостоверяется стремление наших западных союзников уже в первые недели войны привлечь русские войска к участию в непосредственных действиях на западном фронте.

Желание обеспечить за собой численный перевес в силах побуждало, впрочем, наших западных союзников обращаться в то время за помощью в разные стороны. Так, в воспоминаниях английского морского министра того времени сэра Черчилля можно найти указание на его письмо от 5 сентября 1914 года к лорду Китченеру³, в котором он предлагает воспользоваться сочувственным настроением населения в Североамериканских Соединенных Штатах, чтобы сделать попытку сформировать из волонтеров этой страны, по крайней мере, одну дивизию. Не раз поднимался также вопрос о привлечении на европейский фронт японских войск. Из телеграммы, например, нашего министра иностранных дел к послу в Лондоне от 21 августа (3 сентября) 1914 года, видно, что между Лондоном и Парижем возникало даже разномыслие о том, на какой фронт надлежит привлечь японские войска. С. Д. Сазонов сгладил это разномыслие, решительно заявив от имени России, что «мы не имеем никакой необходимости» в осуществлении этой меры, «но не противимся планам Франции», если таковая желает появления японских войск у себя на фронте.

В декабре 1914 года тот же вопрос был вторично поднят французским министром иностранных дел Делькассе, продолжавшим стремиться к привлечению японских войск на сей раз уже определенно на французский фронт⁴. Несмотря на некоторую недоверчивость английского кабинета, проявленную в этом вопросе, намечалось даже обращение к японскому правительству от имени трех держав с коллективным представлением об осуществлении подобной кооперации. Однако сама Япония отнеслась с большой сдержанностью к

² Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова послу в Париже А. П. Извольскому от 17 (30) августа 1914 года.

³ La Crise Mondiale. Т. 1. Р. 253.

⁴ Телеграмма министра иностранных дел С. Д. Сазонова послу в Париже от 29 ноября (13 декабря) 1914 года и ответ А. П. Извольского от 30 ноября (13 декабря) того же года.

сделанному ей предложению, которое, вследствие этого, и не получило соответствующего осуществления.

Обходя подробности несостоявшейся посылки осенью того же года одного русского казачьего полка в Англию, каковая посылка имела, впрочем, в виду лишь некоторое моральное воздействие, перейдем непосредственно к тому периоду войны, когда особое внимание обеих воюющих сторон стал привлекать к себе Балканский полуостров. Время это совпало с заметным ухудшением военного положения Сербии. Еще в ноябре 1914 года сербское и черногорское правительства обратились к союзникам с просьбой о помощи присылкой русского корпуса на Дунай и высадкой англо-французского десанта в Рагузе, но исполнение этой просьбы было в то время признано нецелесообразным с общей точки зрения союзников.

Однако уже в начале февраля 1915 года на междусоюзном финансовом совещании в Париже, происходившем в присутствии министров финансов трех держав Соглашения (Англии, России и Франции), английский первый министр Ллойд Джордж неожиданно поставил на обсуждение вопрос о немедленной отправке на помощь Сербии объединенного корпуса, в составе войск Англии, России и Франции⁵. По мнению автора предложения, такая активная помощь Сербии должна была побудить не только Грецию, но и Румынию, а также Болгарию примкнуть немедленно к державам Соглашения. В этом случае соединенные силы всех названных держав могли бы составить столь внушительную наступательную силу, которая, будучи двинута с юга против Австрии, имела бы возможность решительно изменить всю обстановку войны.

Французский военный министр того времени А. Мильтеран не выразил сочувствия этой идее, опасаясь, по-видимому, в результате принятия этого плана неизбежного ослабления войск на французском фронте. Русская Ставка, на заключение которой был передан этот вопрос, также встретила английское предложение с чувством некоторого недоверия. В самом деле, к этому времени державы Соглашения в результате работы своей дипломатии должны были уже прийти к определенному выводу о невозможности, при господствовавших в балканских государствах настроениях, ожидать от этих государств какого-либо добровольного соглашения в целях объединенных действий. При отсутствии же такового и в случае всегда возможной военной неудачи войск союзников, престиж их мог подвергнуться большому испытанию, что представляло бы большие опасности для дела держав Соглашения, именно на Балканском полуострове. Поэтому русский Верховный главнокомандующий признавал возможным лишь в целях некоторого нравственного воздействия согласиться на отправку в состав сербской армии того казачьего полка, который был подготовлен раньше к перевозке в Англию. Лишь под особым давлением в штабе Верховного главнокомандующего нашли дополнительно возможным, в случае необходимости, усилить этот казачий полк бригадой пехоты.

Однако несочувственное отношение греческого правительства к высадке союзных войск в Салониках и отказ его присоединиться немедленно к державам Соглашения явились причиной оставления плана Ллойда Джорджа без исполнения⁶.

Тем временем в Англии назревало новое решение – приступить к выполнению Дарданелльской экспедиции. Целью ее ставился прорыв союзного флота к Константинополю. Но скрытно действовало здесь и специально английское соображение – отвлечь этой операцией внимание Турции от Египта и Суэцкого канала.

Форсирование Дарданелльского пролива силами одного флота с технической стороны вызвало скептическое к себе отношение в русской Ставке. Если прорыв морских судов

⁵ Телеграмма российского министра финансов Барка С. Д. Сазонову для председателя Совета министров из Парижа от 20 января (2 февраля) 1915 года.

⁶ Телеграмма российского посла в Лондоне графа Бенкендорфа от 8 (21) февраля 1915 года.

через узкий и длинный Дарданелльский пролив еще был возможен и целесообразен тотчас же после объявления Турцией войны России как вооруженный ответ на нападение турецкого флота на русское черноморское побережье (29 октября 1914 года), то в феврале 1915 года, то есть через три-четыре месяца после этого нападения, успех такого прорыва являлся уже весьма маловероятным. В распоряжение Германии было предоставлено слишком достаточно времени для надлежащего укрепления этого пролива в артиллерийском отношении и снабжения его обороны минными и подводными средствами. Что же касается военного содействия этой операции России, подвергшейся нападению Турции, то надобность в таком содействии отпала совершенно после тех блестящих побед, которые одержала наша доблестная кавказская армия под Сарыкамышем над турецкими войсками, руководимыми германскими офицерами.

Надо добавить, что проект форсирования Дарданелльского пролива одним флотом вызывал большие разногласия в самой Англии; содействие же этой операции сухопутным десантом осложняло исполнение, требовало дальнейшей отсрочки ее и, сверх того, затруднялось свойствами местности на Галлиполийском полуострове.

Однако важное значение для России черноморских проливов не позволяло ей оставаться вполне безучастной к разрешению данной проблемы. Недостаточно сильный состав черноморской эскадры не позволял, конечно, рассчитывать на прорыв ее судов через Босфор, почему Россия выступила с проектом перевозки в район проливов особо сформированного во Владивостоке русского отряда, в составе одного 4-батальонного пехотного полка, одной артиллерийской батареи и казачьей полусотни. Отряд этот и должен был присоединиться к десантному отряду англо-французов, долженствовавшему собраться на острове Лемнос.

По «недостатку у союзников свободного тоннажа» перевозка этого отряда к месту назначения не состоялась. Вследствие этого Россия была принуждена ограничиться одними демонстративными действиями своего Черноморского флота против Босфора и посылкой в состав союзных эскадр у Дарданелл своего крейсера 1-го ранга «Аскольд», направленного туда с Дальнего Востока.

Впрочем, с политической стороны интересы России в районе проливов в некоторой мере были ограждены сообщением английского правительства российскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу о том, что в случае поражения Германии вопрос о судьбе проливов и Константинополя «должен быть разрешен не иначе, как в согласии с пожеланиями России»⁷.

Наш министр иностранных дел С. Д. Сазонов немедленно по получении данного заявления ответил, что сделанное английским министром иностранных дел сэром Э. Греем сообщение с благодарностью принимается русским правительством к сведению. Справедливость именно такого решения вытекала, впрочем, из того простого положения, что ожидавшаяся в будущем свобода проливов могла явиться результатом не непосредственного воздействия на самую Турцию, но исхода в этой войны с державами Центрального союза. Степень же участия России в войне с Германией и Австро-Венгрией была настолько велика, что не могла расцениваться иначе, как только в той мере, которая давала бы России право на полное удовлетворение, в случае общей победоносной войны, ее жизненных интересов на Черном море.

Дальнейший ход событий в районе Константинополя показал, что проявленный русским Верховным главнокомандованием скептицизм в отношении Дарданелльской экспедиции оказался вполне правильным. Операция эта была закончена довольно бесславно к началу 1916 года.

Но еще раньше ликвидации Дарданелльского предприятия, именно осенью 1915 года, военно-политическая обстановка вернула внимание европейских дипломатов и военных

⁷ 1 Телеграмма министра иностранных дел С. Д. Сазонова российскому послу в Париже от 14 (27) ноября 1914 года и от (14) февраля 1915 года.

деятелей снова к салоницкому направлению и на сей раз властно потребовала высадки союзных войск в Македонии.

Попытка к образованию блока из балканских государств против Австро-Венгрии и Турции окончательно не удалась. Софийское правительство Радославова, руководимое анти-славянской политикой короля Фердинанда, твердо вело Болгарию, вопреки народным чувствам, к союзу с Германией. 4 сентября 1915 года этим правительством был подписан договор о вступлении Болгарии в Союз центральных держав, а 23 сентября – объявлен декрет об общей мобилизации болгарской армии.

В согласии с действиями своей дипломатии, германское Верховное главнокомандование, которое направляло в течение всего лета 1915 года усилия своей армии против России, решило повернуть их острие в сторону Балкан.

Вытеснив русские войска из Галичины и Польши, оно предоставило в дальнейшем свободу действий к северу от Полесья генералу Гинденбургу и уже в августе месяце стало постепенно оттягивать немецкие войска с южной половины русского фронта в тыл, подготавливая новую наступательную операцию, на сей раз против Сербии. Критическое положение Турции, нуждавшейся в установлении непосредственной связи с Берлином, уже давно требовало сосредоточения германского внимания на Балканах. Намечавшееся наступление Германии на юг задерживалось только необходимостью предварительного дипломатического соглашения с Болгарией о ее присоединении к Союзу Центральных держав.

Как мы уже видели, затруднение это в начале сентября пало, и ничто уже не мешало осуществлению германского плана. Германо-австрийские войска стали с этого времени скрытно сосредоточиваться на северном берегу Дуная и Саввы.

В естественном стремлении прийти Сербии на помощь и оградить ее от нападения Болгарии, среди дипломатов возникло тогда же предположение о занятии союзными войсками салоницкого порта и сербской Македонии, а с нею вместе и всей железнодорожной линии от Салоник на Гевгели и Велес. Однако Греция, в лице ее короля Константина, находившегося в родственных отношениях с императором Вильгельмом, отнеслась и на этот раз крайне оппозиционно к предположению держав Соглашения, связанному с занятием их войсками греческой территории. Лишь уступая настояниям греческого премьера г. Венизелоса, сторонника кооперации с державами Соглашения, удалось, в конце концов, добиться от короля молчаливого согласия на пропуск союзных войск через Салоники.

Общественное мнение западных государств предъявляло к России настойчивое требование об участии ее войск в намечавшейся салоницкой операции. Нам указывалось, что отсутствие русских войск на Балканах не только нанесет удар престижу и историческому положению России среди славянских народов, но поставит Францию и Англию в крайне невыгодное и опасное положение, заронив сомнение в наличии единения союзников. Делались намеки даже на то, что Россия, рассчитывающая получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды, должна участвовать в общем усилии на Балканах, иначе естественно может возникнуть вопрос о пересмотре соглашений, существующих касательно Константинополя и проливов.

Несмотря на то что к этому времени в русском Верховном командовании произошли крупные изменения и что в Ставке переменялись все наиболее ответственные лица, несочувственное отношение к посылке русских войск в Македонию продолжало оставаться неизменным.

Глубокой несправедливостью, в самом деле, звучали все предъявлявшиеся к России обвинения о причинах уклонения от участия в намечавшихся на Балканах действиях. В этих обвинениях не учитывались неблагоприятные географические условия, которые ставили едва ли даже одолжимые препятствия к своевременной переброске русских войск на Балканы, через Архангельск или Владивосток, равно не принималась во внимание будущая

оторванность этих войск от источников их пополнения. Не принималось также в расчет общее военное положение русской армии, которая лишь недавно выполнила тяжелую и длительную отступательную операцию, находилась в почти грозном некомплекте и нуждалась в самых необходимых предметах вооружения и боевого снабжения. Забывалось и то обстоятельство, что к левому флангу русской армии примыкала Румыния, поведение которой в ту пору являлось настолько двусмысленным, что не исключена была даже возможность ее перехода на сторону Центральных держав⁸. Между тем, в результате такого положения, Россия должна была быть готовой к неожиданному появлению германо-австрийских войск в северной Молдавии, то есть у себя на фланге, что являлось бы существенной угрозой для ее крайне растянутого и невыгодного фронта.

Самая же главная причина недоверчивого отношения России к полезности Салоникской экспедиции заключалась в том, что эта операция намечалась без строго определенного плана и с недостаточными силами для того, чтобы существенно изменить обстановку. В самом деле, высадка союзников в Македонии могла бы получить серьезное значение лишь в том случае, если бы она имела своей задачей широкое наступление к Дунаю, с дальнейшим вторжением навстречу русским войскам, например, в Венгрию. Но для этого последние должны были бы, в свою очередь, вновь овладеть территорией Русской Польши и Галичины. Такой широкий план, во-первых, не входил в расчеты западных государств и, во-вторых, едва ли даже был им под силу, равно как и истомленной русской армии, не успевшей окончательно оправиться от длительного отхода вглубь страны.

Все изложенные соображения, в общей их совокупности, вынудили в начале октября императора Николая II, который к тому времени возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего русской действующей армией, отправить своим западным союзникам телеграмму о невозможности отправки русских войск на Балканы⁹.

События на Балканах тем временем шли своим чередом. 6 октября 1915 года австро-германские войска, объединенные под общим начальством фельдмаршала Макензена, вторглись с севера в пределы Сербии. На следующий день был занят Белград, а 14 декабря по всему восточному сербскому фронту перешли в наступление и болгары.

Неприятель, охвативший с огромными силами сербские войска с трех сторон, принудил сербов к спешному отступлению вглубь страны. Занятие же болгарями в тылу у сербов Яксюба и Велеса вынудило последних повернуть на юго-запад, с целью выхода их армий к Адриатическому морю.

К этому времени (октябрь 1915 года) во Франции произошло крушение кабинета Вивиани и во главе нового правительства стал А. Бриан – горячий сторонник посылки союзных войск в Македонию и высадки их в Салониках.

Под влиянием этого незаурядного государственного деятеля и его новой политики посылка англо-французских союзных войск в Македонию была решена окончательно. Однако к середине октября в Салониках смогли высадиться лишь головные дивизии союзников. Своим выдвижением долиной р. Вардара к Криволаку и Дойрану они, хотя и успели прикрыть отход крайних частей сербов на Прилеп и Битоль, но этим только и ограничилось их содействие сербам. Уступая общей обстановке и силе болгарских войск, их атаковавших, англо-французские дивизии отошли в район Салоник, где и стали укрепляться. За ними последовали болгарские войска, остановившиеся, однако, в виду границ Греции, оставшейся нейтральной. Между противниками оказались греческие мобилизованные вой-

⁸ Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова российскому послу в Париже А. П. Извольскому от 27 сентября (10 октября) 1915 года.

⁹ Телеграмма российского министра иностранных дел А. П. Извольскому от 24 сентября (7 октября) 1915 года и ответ российского посла в Париже С. Д. Сазонову того же числа.

ска, которые, вследствие германофильских настроений короля Константина, представляли постоянную опасность для держав Согласия.

Французский генерал де Кастельно, специально командированный в декабре 1915 года в Салоники для ознакомления с положением союзных войск, вынес впечатление, что войска эти настолько прочно укрепились вокруг названного пункта, что могут выдержать весьма сильную против них атаку.

Так было положено начало новому Салоникскому фронту, на котором в 1916 году появились наши войска, как о том будет изложено ниже.

В период осенних переговоров 1915 года об участии русских войск в операциях на Балканах некоторыми лицами высказывалась, между прочим, мысль о том огромном моральном впечатлении, которое могла бы оказать на болгарский народ высадка русских войск на их территории, сопровождаемая соответственным воззванием императора Николая II к болгарскому народу. Мысль эта также не получила своего осуществления. Недостаточность черноморского транспортного флота, возможность появления в Черном море германских подводных лодок, наконец, бурный характер этого моря в осеннее время и авантюристический характер самой операции делали ее выполнение мало серьезным. Взамен ее русское Верховное главнокомандование, в лице генерала Алексеева, начальника штаба императора, признало возможным выступить с предложением о превращении будущей балканской операции из второстепенной в главную, путем сосредоточения на Балканах не менее 10 англо-французских корпусов и движения их навстречу русской армии, которая брала на себя задачу подготовки к новому широкому наступлению в направлении на Будапешт. Осуществление этого плана было признано нашими союзниками, однако, затруднительным, и тогда, уже в конце декабря, в целях облегчения положения истекавшей кровью Сербии, русской армией была сделана самостоятельная попытка отвлечь внимание неприятеля от Балкан и, в случае удачи, попробовать пробиться через австрийские укрепленные позиции Трембовля – Чертков. Произведенная при крайне тяжелых климатических условиях, без достаточной артиллерийской подготовки, операция эта закончилась для нас, к сожалению, крупными потерями, которые определились в 50 тысяч человек.

Сербской армии суждено было свершить свой крестный путь до конца, чтобы вновь возродиться на о. Корфу для дальнейшего участия в войне на Салоникском фронте.

Глава II

Наращение во Франции мысли об использовании русских живых сил на французском фронте, в связи с недостатком в России вооружения. – Миссия П. Думера и отношение к ней в России. – Постепенное формирование и отправка четырех особых бригад, по две на французский и македонский фронты.

Наступательный порыв, проявленный русской армией в течение осени 1914 и весны 1915 годов, все более и более привлекал к себе внимание германцев. Разгром австрийских войск и появление весной 1915 года русских знамен на карпатских перевалах встревожили германское Верховное главнокомандование, которое, во избежание полного крушения австро-венгерского фронта, нашло необходимым коренным образом перестроить принятый им в начале войны план.

Создав на западном фронте почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокой и усиленных мощной артиллерией, германцы достигли возможности безбоязненной переброски значительных сил на свой восточный фронт, против России.

Русская армия в этом новом плане становилась на некоторое время главным предметом действий. В соответствии с этим даже главная немецкая квартира была перемещена на восток в небольшой силезский городок Плесс, расположенный почти на границе с Австрией.

Наступившее, вследствие такого изменения в плане, затишье в военных действиях на западном фронте как нельзя больше пришлось на руку союзникам России. Укрепив свой фронт, после Марны и боев на Ипре и Изере, от Северного моря до швейцарской границы, французы и англичане получили возможность сосредоточить свое внимание на исправлении всех материальных недочетов, обнаружившихся у них в течение первого периода войны.

Благодаря широко развитой отечественной промышленности им удалось сравнительно быстро наладить производство тяжелой артиллерии, боевых припасов и прочих предметов материального снабжения. Но как было быть французам с укомплектованием их армии личным составом, в котором они понесли в первых же боях невиданные до сего времени потери? Как обеспечить живым материалом дальнейшее ведение войны, становившейся по всем признакам затяжной? Острота данного вопроса становилась более чем очевидной, если принять во внимание, что к 1 июля 1915 года оказались уже призванными все военнообязанные сроков службы, начиная с 1913 по 1887 год и, сверх того, допризывная молодежь 1914, 1915 и 1916 годов. Положение становилось в самом деле угрожающим.

Под впечатлением этих обстоятельств взоры французов невольно устремлялись на Восток. Россия обладала огромным населением, вследствие чего казалась неисчерпаемой в смысле запаса людей, могущих быть поставленными под ружье. Особенности русского «устава о воинской повинности», допускавшего широкие изъятия, далеко не всем, конечно, во Франции были известны. Во Франции, при 40 миллионах населения, число военнообязанных составляло до 8 миллионов, или около 20 % всего населения. Можно ли было предполагать, что Россия обладала таким военным законодательством, которое давало возможность привлечь в

1914 году в действующие войска, при общем населении в 170 миллионов человек, всего лишь 8 миллионов людей (считая запасных и ратников 1-го разряда). Правда, существовала еще категория ратников 2-го разряда, но люди, числившиеся в этой категории, подлежали, по закону, призыву лишь в ополчение, предназначавшееся для тыловой службы. Чтобы иметь возможность воспользоваться этими элементами в составе действующей армии, понадобилось в 1915 году, как известно, соответствующее изменение закона.

Превратное представление о количестве в России военнообязанных и послужило основанием к составлению во Франции разного рода проектов по использованию части русских военных контингентов на французском фронте. Так, например, уже в декабре 1915 года во французском Военном министерстве рассматривалась записка¹⁰, имевшая своим содержанием вопрос: «Comment créer un réservoir d'infanterie russe en France».

Осенью 1915 года в Россию выехал известный французский политический деятель Поль Думер (ставший впоследствии президентом Французской Республики). Поль Думер в начальный период войны являлся помощником по гражданской части генерала Галлиени, военного губернатора города Парижа. Вместе с генералом Галлиени Поль Думер, в период известного пребывания французского правительства в Бордо, успел приобрести в населении столицы столь большую популярность, что к обоим названным лицам, по доходившим до России сведениям, стало, неосновательно конечно, назревать со стороны официальных кругов подозрительное отношение и обвинение в желании излишне долго сохранить за собой власть над Парижем.

В списке задач, которые были вверены Думеру, числилось также поручение попытаться получить согласие русского правительства на отправку во Францию невооруженных людей, обязанных военной службой, как бы в обмен на вооружение, в котором, как известно, в то время очень нуждалась русская армия. П. Думер полагал просить о постепенной отправке на французский фронт 300 тысяч русских мобилизованных людей.

Трудно сказать, в каких сферах родился этот своеобразный проект, но, насколько можно судить, во французской главной квартире ему не сочувствовали, находя в этом проекте не только разного рода технические трудности, но считая его и с моральной стороны малопригодным. Возбуждению этого проекта, однако, способствовало, весьма вероятно, то обстоятельство, что почти накануне поездки Думера в Россию в Париже пало министерство Вивиани и в новом кабинете, под председательством Бриана, пост военного министра занял генерал Галлиени, – лицо, с которым предыдущая деятельность Думера была, как уже отмечено, весьма тесно связана.

Российский посол в Париже А. П. Извольский в своей телеграмме С. Д. Сазонову¹¹ характеризует цель поездки Думера в Россию стремлением выяснить на месте «вопросы снабжения и вооружения нашей армии».

Но уже в это время до сведения посла доходили слухи, что Думером выдвигается также вопрос о целесообразности снятия с французского фронта известного числа рабочих – специалистов по изготовлению предметов вооружения с целью отправки их в Россию или усиления собственного производства во Франции, с заменой снятых рабочих русскими солдатами, которых мы не в состоянии были вооружить.

Упомянутая поездка состоялась в декабре месяце.

Нельзя сказать, чтобы изложенное предложение П. Думера встретило сочувственное к себе отношение в русских военных сферах, видевших в данном проекте прежде всего желание использовать русских солдат на западном фронте. В Петрограде, в Военном министерстве, П. Думеру было заявлено, что запас военнообязанных в России, вследствие огромных потерь и значительной численности выставленных армий, не столь велик, как это обыкновенно думают во Франции, и что к середине будущего 1916 года следует уже ожидать истощения всех контингентов до 30-летнего возраста включительно.

Настойчиво, однако, преследуя свою задачу, П. Думер выехал из Петрограда в Ставку для доведения своего предложения до сведения императора Николая II и его начальника штаба генерала Алексеева.

¹⁰ Записка принадлежала перу Андре Шерадама.

¹¹ От 30 октября (12 ноября) 1915 года.

Как видно из донесений Думера в Париж¹², император Николай, выразив пожелание прийти на помощь Франции, дал, однако, понять своему собеседнику, что в вопросе об отправке русских солдат во Францию ему, по всей вероятности, придется встретиться с некоторым сопротивлением генерала Алексеева, с которым он и посоветовал Думеру сговориться.

«Я очень скоро убедился в том, – писал в своей телеграмме Думер, – что решение данного вопроса будет зависеть от взгляда последнего».

14 декабря Думер имел личное свидание с генералом Алексеевым, на котором присутствовал князь Кудашев, директор дипломатической канцелярии в штабе Верховного главнокомандующего. Согласно телеграмме последнего в Париж, адресованной А. П. Извольскому¹³, Думер, во время своей беседы с генералом Алексеевым указывал на большие потери французов и их опасения за последствия возможного прорыва германцами линии, весьма близкой к сердцу Франции. В распоряжении французского правительства имеются все средства для успешного продолжения борьбы, за исключением достаточного числа людей, за которыми оно и решилось обратиться к своему союзнику – России.

Из той же телеграммы князя Кудашева видно, что генерал Алексеев, «и без того не сочувствовавший посылу русских войск в отдельные заграничные экспедиции, был особенно неприятно поражен мыслью об обмене живых людей на бездушные предметы оружия». Лишь крайняя финансовая и материальная зависимость России от Франции, а также искреннее желание оказать последней посильную помощь и сохранить добрые отношения, заставили генерала Алексеева признать возможным произвести опыт формирования и посылки на французский фронт не более, однако, двух полков пехоты с двумя запасными батальонами. Генерал Алексеев полагал, что намеченный им опыт может дать указания для будущего отношения к возбужденному вопросу.

Сообщая о таком решении русскому военному уполномоченному при Главной французской квартире генералу Жилинскому, начальник штаба Верховного главнокомандующего, опасаясь расширительного толкования вопроса, добавлял: «Желал бы, чтобы этот опыт, если он неизбежен, был ограничен»¹⁴.

П. Думер, действительно, несколько иначе понимал достигнутый им результат.

В своей телеграмме от 15 декабря, на которую уже делалась выше ссылка, он сообщает, что в принципе посылка на французский фронт русских солдат, в распоряжение правительства Республики (*à la disposition du Gouvernement de la République*), принята под условием выполнения немедленного предварительного опыта. Русские солдаты будут отправлены во Францию не как отдельные люди, для размещения их во французских корпусах, но в виде особых русских воинских частей, с русскими кадрами, которые должны быть только дополнены французскими офицерами. Отправляемые воинские части должны быть вооружены во Франции ружьями, принятыми во французских войсках. Французское правительство обязуется принять на свое попечение перевозку русских войск морским путем и обеспечить безопасность перевозимых. Число солдат, подлежащих перевозке во Францию, сообщал Думер, как кажется, может быть доведено до 40 тысяч в месяц. Но, во всяком случае, такой интенсивности перевозка не может достигнуть в зимние месяцы, вследствие портовых затруднений и необходимости произвести предварительный опыт с целью выяснения вопроса: во-первых, как будут себя чувствовать русские солдаты вдали от их страны, и во-вторых, насколько целесообразной окажется вообще принятая система.

¹² Его телеграмма от 15 (28) декабря 1915 года.

¹³ Телеграмма 16 (29) декабря 1915 года.

¹⁴ Телеграмма генерала Алексеева генералу Жилинскому 17 (30) декабря 1915 года.

Намечаемый опыт будет произведен в следующих условиях. Немедленная отправка из России во Францию одной бригады пехоты, составленной из двух полков, с одним или двумя запасными батальонами. Бригада будет иметь во главе русского генерала, а каждый полк – русского полковника и некоторый кадр русских офицеров. Недостающий до штатов военного времени кадр офицеров должен быть дополнен французскими офицерами. Во Франции, в пункте, например, высадки русских войск, должна быть организована русская «база», под начальством русского генерала или полковника, гарнизон которой составят русские запасные батальоны. Через самое короткое время, после выступления русской бригады на фронт, можно будет судить об условиях сотрудничества русских императорских войск на французском фронте. Время, затраченное на производство данного опыта, не может считаться потерянными, так как отправка войск из Архангельска в течение зимних месяцев не может быть значительной.

«Система отправки русских солдат в составе воинских частей, – добавлял Думер, – была уже рассмотрена в совещании с генералом Галлиени, происходившем до моего отъезда, и им одобрена».

Во исполнение принятого решения в России было приступлено в январе 1916 года к формированию особой пехотной бригады (впоследствии 1-ère Brigade russe spéciale). Штаб и 1-й полк намечено было формировать в Москве, а 2-й полк – в Самаре.

Части бригады формировались преимущественно из ближайших запасных батальонов, то есть из солдат, не получивших еще боевого крещения. Едва ли порядок этот можно было признать правильным. Следует также заметить, что, соответственно районам комплектования,

1-й полк был укомплектован в подавляющем числе из элемента фабрично-заводского (подмосковный район);

2-й же полк был составлен из людей, связанных по преимуществу с крестьянством. Разнородный солдатский состав полков несомненно отразился на общей физиономии той и другой части и на отношениях их к последующим событиям.

Начальником бригады был назначен генерал-майор Лохвицкий, выказавший свои прекрасные боевые качества на русском фронте и уже награжденный на русском фронте орденом Св. Георгия 4-й степени; командиром 1-го особого полка – полковник Нечволодов и командиром 2-го особого полка – полковник Дьяконов.

Полки формировались трехбатальонного состава, в каждом батальоне – по четыре строевых роты. Кроме того, в полку должно было состоять по три пулеметных роты (по 12 пулеметов в каждой), команда связи и нестроевая рота¹⁵. Запасный батальон формировался в составе 6 рот.

Личный состав 1-й бригады (вместе с запасным батальоном) по штатам был определен следующими цифрами: 1 генерал, 180 штаб- и обер-офицеров и 8762 солдата; из них – 84 офицера и 8577 солдат русских, к которым должны были быть добавлены 96 младших офицеров и 185 солдат из состава французской армии.

Бригада была прекрасно обмундирована: она снабжена была двойным комплектом обмундирования и сапог. На каждую роту имелось по одной походной кухне. Вооружение и все остальное имущество части бригады должны были получить во Франции.

Вследствие зимнего времени, препятствовавшего отправлению из Архангельска, бригада, с согласия японского правительства, должна была следовать по железной дороге через Иркутск и Куанчендзы до Дайрена; далее же морем – до Марселя. Таким образом части бригады должны были совершить путь от Москвы кругом Азии до Марселя, расстоянием

¹⁵ Впоследствии каждой бригаде имелось в виду придать по одной траншейной батарее и по одному противотанковому орудию.

более 30 тысяч верст. Посадка первого эшелона в Москве произошла 3 февраля. Прибытие в Дайрен того же эшелона рассчитано было на февраль же; отсюда отправка во Францию на трех французских пароходах.

Продолжительность морского переезда исчислялась, при скорости в 11 узлов, около 60 дней.

Расчеты эти оправдались достаточно точно, с запозданием лишь в несколько дней, понадобившихся для улаживания местных затруднений, возникших с местными японскими властями. 20 апреля 1916 года состоявший при русской Ставке французский генерал По мог уже представить Государю императору приказ генерала Жоффра о прибытии русской бригады во Францию.

Император Николай II выразил по этому случаю уверенность, что бригада покажет себя достойной, сражаясь бок о бок с частями французской армии, которая, в свою очередь, служит в России предметом особого восхищения.

Высадка частей русской бригады произвела не только в Марселе, но и во всей Франции выдающееся по силе впечатление. Внешний вид и выправка русских солдат восхищали французов. Чествование прибывших носило глубоко трогательный характер. Вся Франция воспряла духом, и газеты были полны восторженных отзывов о русской мощи и силе. Отголоском этих торжеств в России служила русская пресса, вторившая этому праздничному настроению.

Французский военный агент в Петрограде подробно сообщал в Париж об отзывчивости русских газет. И, таким образом, факт прибытия во Францию русских войск явился новым звеном, скрепившим дружеские отношения двух великих союзных государств.

Между тем, в течение протекших месяцев военное и политическое значение пребывания союзных войск в Салониках, как мы уже видели в главе 1-й, подверглось значительной переоценке. Осеннее сосредоточение соединенных сил Центральных держав против Сербии заставило союзников сделать попытку к облегчению положения сербской армии путем высадки англо-французских войск в Салониках. Хотя задача спасения Сербии не удалась, и сербская армия принуждена была отходить на Албанию, но отступать от принятого плана теперь было уже поздно; приходилось скорее думать о дальнейшем развитии военных действий со стороны Салоник. Горячим сторонником этой мысли явился, как читатель уже знает, новый председатель Совета министров во Франции А. Бриан, который и сумел привлечь на сторону своего мнения прочих союзников.

Генерал Жоффр, занимавший в первый период войны пост главнокомандующего только северо-восточными армиями, незадолго перед тем был назначен декретом президента Французской Республики главнокомандующим всеми французскими армиями. Став ответственным за положение Македонской армии, в которой руководящую роль всегда играли французы, он вынужден был посвятить ее нуждам больше внимания и забот.

Изменил, по-видимому, свое мнение и С. Д. Сазонов, который выразил свое огорчение по поводу невозможности оказать Сербии помощь русскими войсками, под влиянием уже изложенной выше военной обстановки.

Свое настроение он сумел также передать и императору Николаю II, для которого, впрочем, интересы Сербии оставались всегда близки.

Лишь один военный министр Англии лорд Китченер, пользовавшийся в то время неограниченным авторитетом в Лондоне, оставался непоколебимым противником продолжения и дальнейшего развития салоникской операции. По причинам оперативным он настойчиво высказывался за полное очищение Салоник, угрожая в противном случае даже своей отставкой.

В результате таких настроений на совещании 6 декабря в Шантильи только одни англичане высказались за эвакуацию салоникского района. Представители остальных союзных

держав были единодушны во мнении о необходимости сохранения в Салониках союзных войск и дальнейшего их усиления.

«Благоволите обратить внимание англичан, – телеграфировал С. Д. Сазонов 9 декабря 1915 года Извольскому в Париж, – что, с удалением союзников, австро-германцы поспешат сами занять Салоники под предлогом защиты этого города от новой высадки англо-французов. Таким образом, будет осуществлена давнишняя мечта Австрии обладать названным портом».

По-видимому, мнение большинства союзников оказало в конце концов свое влияние и на англичан. По крайней мере, на новом совещании, происходившем во Франции 10 декабря, точка зрения англичан уже значительно приблизилась к французской. Наш посол в Париже А. П. Извольский так формулировал постановления этого совещания: «Союзные войска отступают из Македонии к Салоникам и там принимают меры к устройству укрепленного района. Этот последний должен позволить им обосноваться вполне прочно».

Однако с приближением весны 1917 года среди военных и политических деятелей стала вновь преобладать точка зрения французского председателя Совета министров Бриана, который продолжал отстаивать мысль о желательности развития из Салоникского района активных действий, составлявших, как уже выяснено выше, одну из слагаемых осеннего плана генерала Алексеева. Возвращению к этому плану весьма способствовала удачно и быстро проведенная реорганизация сербской армии, перевезенной из Албании в январе 1916 года на остров Корфу. С середины апреля оказалось уже возможным начать обратную перевозку сербских войск в район Салоник, что должно было увеличить армию союзников, состоявшую под начальством французского генерала Саррайля, на шесть пехотных дивизий.

В соответствии с новым планом усиления армий союзников в Салониках, во Франции возникла мысль о направлении туда же и русской особой бригады, первоначально сформированной для Франции. Эта мысль была настолько близка к осуществлению, что в конце марта 1916 года французским военным министерством уже составлялись расчеты по высадке бригады в Салониках и по снабжению ее вьючным обозом из мулов.

Начальник штаба русского Верховного главнокомандующего генерал Алексеев выступил, однако, решительно против изменений первоначальных предположений; он указал на тяжелое положение офицеров, мечтавших проявить свою боевую работу на французском фронте. Конечно, добавлял он, офицеры бригады подчинятся новому решению, но в сердца их несомненно закрадется горькое чувство разочарования, едва ли выгодное с точки зрения того пафоса, с которым они отправлялись в заграничный поход. Во избежание этого разочарования в Ставке русского императора готовы были скорее согласиться на формирование второй бригады, однородного с первой типа, для отправки ее в Салоники, лишь бы не менять первоначального назначения 1-й особой бригады.

Государь был весьма обрадован таким проектом, усматривая в нем возвращение к разделявшейся им в глубине души мысли о высоком моральном значении, которое должно было иметь присутствие русского отряда на Балканах. Однако, высказывая по этому вопросу свое мнение, император Николай II тут же добавлял, что если новая бригада не будет использована в Салониках, то ее естественным местом будет место рядом с 1-й особой бригадой, чтобы составить дивизию. Таким образом, мысль о дивизионном составе русских войск во Франции, о котором впоследствии много хлопотало французское правительство, была высказана впервые русским императором.

Вследствие нового решения русского Верховного главнокомандования, 29 марта, в Париже по французскому Военному министерству состоялось новое дополнительное распоряжение, в силу которого 1-я особая русская бригада, перевозившаяся в то время из Дайрена морем, должна была следовать по своему первоначальному назначению через Марсель во Францию, а не в Салоники. Из Марселя бригада должна была быть перевезена в Camp de

mailfu, лагерь, расположенный в 30 километрах от Шалона-на-Марне. В указанный лагерь французским военным министерством предписывалось сосредоточить недостававший ей личный состав из чинов французской армии, лошадей и всю материальную часть, предназначенную для частей этой бригады.

Так родилась мысль о формировании для македонского фронта, из состава русских войск 2-й особой бригады, такого же состава, как и первая. Бригада эта подлежала отправке к месту своего назначения, на сей раз из Архангельска, ввиду предстоявшего открытия судоходства по Белому морю.

Французский посол в Петербурге М. Палеолог в конце марта 1916 года уведомил нашего министра иностранных дел, что французское правительство приняло к сведению пожелание русского императора и генерала Алексеева об отправке 1-й русской бригады во Францию и 2-й русской бригады в Салоники. При этом М. Палеолог добавлял, что решение это удовлетворяет сразу двум желаниям: с одной стороны, оно будет свидетельствовать о братстве по оружию двух народов, а с другой – из него будет вытекать доказательство признания Россией несоответственности позиции, занятой Болгарией на Балканах.

Начальником 2-й русской особой бригады был назначен доблестный генерал русской армии генерал-майор Дитерихс. Французскому военному начальству этот генерал был аттестован главой французской миссии в России в качестве деятельного и образованного офицера, в общем вполне соответствующего для гораздо более ответственного положения, чем положение командира бригады, хотя бы и в отделе.

Командирами полков были назначены: 3-го – полковник Тарбеев и 4-го – полковник Александров.

Назначение начальствующих лиц, как и в первую бригаду, было сделано с особой заботливостью.

Формирование полков производилось путем выделения целых рот из точно определенных полков. Этот способ более полно гарантировал соответственный состав полков.

По соглашению с французским правительством были выработаны следующие основания для формирования и перевозки к месту назначения 2-й особой бригады.

1) Бригада должна иметь тот же состав, что и первая, уже отправленная во Францию. Однако все офицеры ее должны быть из состава русской армии. От французской армии будут назначены воинские чины лишь в качестве переводчиков.

2) Россия снабдит бригаду лишь походными кухнями и самым ограниченным числом двуколок. Животные, упряжь, вьюки и недостающие повозки должны быть предоставлены частям бригады Францией.

3) Части бригады, для посадки, будут доставлены в Архангельск с таким расчетом времени, чтобы последний пароход мог отправиться в путь 23 июня.

4) Вооружение, пулеметы и патроны должны быть предоставлены Францией, по тому расчету, что и для 1-й бригады. Два пулемета должны быть отпущены маршевому (запасному) батальону для целей обучения.

5) Все вооружение должно быть доставлено в Архангельск на тех транспортах, которые прибудут за войсками.

6) С частями 2-й бригады должно быть отправлено 30 офицеров и 576 солдат в качестве укомплектования для первой бригады.

Работы по формированию частей бригады, однако, затянулись. Сроки отправки несколько раз откладывались, и первые пароходы с чинами бригады отошли из Архангельска только в начале июля. Для посадки частей бригады потребовалось 9 пароходов. Все они были французские, но среди них был и один русский – «Екатеринослав».

В общем, качество и оборудование пароходов оставляли желать лучшего. Пароходы не обладали достаточной скоростью, не имели аппаратов беспроволочного телеграфа, спа-

сательные средства их были недостаточны, не говоря уже о ряде санитарных недочетов. Встреча таких пароходов с неприятельскими судами представляла известные опасности, хотя, по отзывам специалистов, были приняты возможные меры, чтобы избежать такой встречи.

Только 31 июля закончилась, наконец, отправка всех частей бригады из Архангельска.

Из сохранившейся переписки можно видеть, что французское правительство, в лице генерала По, являвшегося одно время начальником французской военной миссии в России, очень торопило русское Военное министерство с отправкой частей бригады; дело, однако, задерживалось огромными русскими расстояниями и желанием осуществить лучший подбор офицеров в отправляемых частях.

Еще в конце апреля, воспользовавшись случаем представления Государю приказа генерала Жоффра о прибытии во Францию 1-й особой бригады, генерал По пытался выяснить более точно срок изготовления 2-й бригады, но Государь ограничился заявлением о том, что формирование бригады идет своим чередом; уточнить же срок готовности частей едва ли возможно, дабы излишне не стеснять работы военного министерства.

Впрочем, отправка частей бригады задерживалась еще навигационными условиями Архангельского порта и несвоевременным прибытием судов, назначенных для морской перевозки. Еще в конце апреля французский посол Палеолог, запрашивая свое правительство, может ли он заверить русское Военное министерство в том, что перевозка будет обеспечена французскими судами с 1 июня, упоминает, что пока Белое море еще загромождено льдами во всю ширину входа в гавань, имеющего 55 километров ширины и 260 километров длины.

Чтобы, однако, понять нетерпение французов, необходимо вспомнить, что в течение 1916 года шли усиленные переговоры держав Согласия с Румынией об условиях ее выступления. Последняя же, для отвлечения от нее внимания Болгарии, требовала наступления союзников из района Салоник, которое вследствие этого особо и интересовало союзников. Генерал Алексеев¹⁶, через русского военного агента в Риме полковника Энкеля, просил даже итальянского главнокомандующего генерала Кадорна направить в Салоники одну итальянскую дивизию, чтобы рассеять последние сомнения Румынии. Если сама Россия, добавлял он, отправляет в Салоники только одну бригаду, то это по трудности транспорта и ее снабжения. Просьбу генерала Алексеева поддерживал и генерал Жоффр.

В период формирования частей 2-й особой бригады, а именно в начале мая, в Россию прибыли два представителя французского правительства Р. Вивиани и Альбер Тома. Вивиани, в частности, был также занят вопросом об ускорении отправки частей 2-й особой бригады. Но одним из главных заданий приехавших было выяснение экономического и промышленного положения России и уточнение того соглашения, которое было впервые заключено между генералом Алексеевым и П. Думером.

С. Д. Сазонов, в согласии с мнением военных, выразил прибывшим свое общее несочувствие проекту отправки русских войск на изолированные от России фронты. Выводы из представленных ему докладов, по словам нашего министра иностранных дел, не могут быть ничем поколеблены, и он, в этом случае, чувствует полную солидарность со всем правительством, относящимся к данному вопросу отрицательно, как в самом принципе, так и в отношении числа солдат, предположенных к отправке. При этом Сазонов упорно выдвигал перед своими собеседниками недостаточность наших войск в Персии и на Кавказе.

Тем не менее Вивиани, судя по его сообщениям в Париж, не терял надежды победить встреченное им в политических и военных кругах сопротивление. И действительно, на аудиенции у Государя 8 мая Вивиани с особой настойчивостью вновь вернулся к тому же вопросу.

¹⁶ Телеграмма его от 23 июля (5 августа) 1916 года.

Он очень подчеркивал жертвы, понесенные Францией, и указывал на необходимость прийти ей на помощь. По его мнению, решающие действия могут иметь место только на западном фронте, почему и необходимо на нем собрать силы всех союзников.

Государь отвечал, что он придаст высказанным соображениям первенствующее значение, что он приложит все усилия, чтобы пойти им навстречу, но что он опасается затруднений, предусматриваемых со стороны командующих генералов.

«Я настаивал, – говорит Вивиани в своей телеграмме от 8 мая в Париж, – на оставлении этого вопроса в области политической, оставляя командному составу преодоление лишь технических препятствий». Упорство Вивиани в отстаивании своей точки зрения не умирилось даже под влиянием весьма тревожных телеграмм французского военного агента в Стокгольме, доносившего о стремлении Германии вовлечь в войну Швецию, пользуясь Аландским вопросом. Этот вопрос поднял в Швеции до чрезвычайности воинственное против России настроение, и на июнь намечалась даже сухопутно-морская операция против Риги. Положение было одно время столь тревожным, что названный военный агент запрашивал даже свое правительство, в каком направлении ему надлежит выехать в случае мобилизации шведской армии.

Тем не менее вновь прибывшим из Франции лицам удалось 11 мая достигнуть нового соглашения с генералом Алексеевым и подписать совместно с ним новый договор, в силу которого отправка русских войск во Францию рисовалась в следующем виде.

Сверх 1-й особой бригады, уже прибывшей во Францию, и 2-й бригады, которая должна была быть направлена в Салоники, Россия выразила согласие отправить в 1916 году во Францию из Архангельска еще пять бригад, численностью каждая около 10 тысяч человек, ежемесячно по одной бригаде, по срокам к 15-му числу каждого месяца, начав от отправку с августа месяца и кончая декабрем. Приблизительно намечалось, таким образом, к отправке в 1916 году до 1500 офицеров и до 80 тысяч солдат.

При этом французское правительство принимало на себя все заботы и расходы по перевозке, вооружению и содержанию этих войск. Ружья и пулеметы, с достаточным количеством патронов, в целях заблаговременного обучения должны были прибывать в Россию для каждой части за два месяца до ее отправления.

Совершенно очевидно, что при заключении этого соглашения были упущены условия навигации из тех портов, которые только и оставались в распоряжении России (Архангельск и Владивосток), а именно их замерзаемость. На это упущение было весьма скоро обращено внимание французского морского министерства, которое телеграммой от 12 июля уже указывало на необходимость закончить перевозку войск во Францию по сроку 1916 года не позднее последних чисел октября. Однако такое ускорение оказалось невыполнимым по целому ряду причин, в числе которых нельзя не отметить и несвоевременности прибытия в порты пароходов, предназначенных для выполнения перевозки.

Что касается вопроса об отправке русских войск во Францию в 1917 году, то план такого отправления было решено обсудить лишь в конце 1916 года.

Вслед за подписанием соглашения о дальнейшей отправке русских войск на французский фронт в течение 1916 года другой представитель Франции, Альбер Тома, подписал 17 мая с Военным министром протокол, регулировавший вопросы снабжения русского фронта артиллерией, и условия, на которых Франция готова была прийти на помощь России для организации ее внутренней производительности.

Около середины мая французское правительство сделало в Петрограде запрос, не встретится ли со стороны России каких-либо препятствий к тому, чтобы 2-я особая бригада была направлена в Салоники не прямо морем (кругом Европы), а была предварительно высажена в Бресте и направлена в Марсель по железной дороге, откуда морем до Салоник. Проект этот был выдвинут французским морским генеральным штабом, который находил необ-

ходимым не подвергать перевозимых риску следования через Гасконский залив и пролив Гибралтара. Хотя в нашем военном министерстве новый маршрут представлялся несколько сложным, но против его осуществления, ввиду приведенных мотивов о безопасности, возражений выдвинуто не было.

В соответствии с новым маршрутом был установлен в Париже новый порядок, предусматривавший передвижение бригады по территории Франции. Части бригады должны были прибыть морем в Брест, причем продолжительность морского переезда определялась примерно в две недели. В Бресте предполагалась задержка только на 24 часа. Русские офицеры должны были быть встречены и приняты офицерами местного гарнизона. За счет особых отпусков им имелось в виду предложить завтрак и обед. Также и солдатам. По прибытии в Марсель русские войска должны были быть направлены в ближайший к городу лагерь (Мирабо), где и ожидать времени новой посадки для отправления в Салоники. Офицеров предполагалось разместить в городе.

4 июля 1916 года был отправлен из Архангельска первый эшелон 2-й особой бригады, состоявший из трех пароходов. На борту одного из них («Венесуэла») находился начальник бригады генерал Дитерихс. Через несколько дней был отправлен второй эшелон, также из трех пароходов, и в последнюю очередь третий эшелон такого же состава.

Морской переход совершился благополучно и при очень благоприятной погоде.

18 июля в 9 часов вечера в Брест прибыл первый пароход, на котором находился генерал Дитерихс. На следующий день произошла торжественная встреча русских согласно заранее выработанному церемониалу. Встреча была столь же блестяща, как и встреча частей первой бригады в Марселе. Кроме официальных лиц в ней участвовало все окрестное население, вынесшее для русских воинов корзины цветов и вина. Город ликовал. В донесении о приеме чинов бригады, отправленном в Париж, морской префект доносил, что до сведения французского офицера, прикомандированного к бригаде, дошло сведение о неудовлетворенности русских солдат тем суточным рационом хлеба (750 г), который был для них установлен.

– Я приказал увеличить его до одного килограмма, – доносил адмирал.

Тот же эшелон прибыл в Марсель 22 июля. Командовавший в этом городе генерал в свою очередь доносил, что им приняты все меры к должному приему чинов бригады. Офицеры были, по розданным им билетам, размещены по квартирам; солдаты же, как уже сказано, отведены в ближайший лагерь Мирабо, где заняли имевшиеся бараки; в них имелись одиночные нары с тюфяками, набитыми сеном.

Багаж офицерский и солдатский развозился на камионах¹⁷.

Дальнейшая отправка бригады в Салоники была выполнена без особой задержки. Из телеграмм генерала Жоффра главнокомандующему союзными армиями на востоке можно видеть, что бригада в составе 224 офицеров и 9338 солдат должна была прибыть в Салоники в три срока: 27 июля, 8 и 10 августа.

Надо, однако, заметить, что сведения об отправке и прибытии русских эшелонов во Францию и Македонию вообще весьма сбивчивы и часто разнятся между собой. Безошибочное определение этих данных по архивным материалам едва ли даже возможно.

Неточность дат отправления и прибытия едва ли, однако, имеет существенное значение, так как эта неточность оказывает влияние лишь на определение продолжительности того периода времени, который каждая из русских частей имела для отдыха после длительного переезда и для получения недостающих предметов материального снабжения, равно окончательной боевой подготовки.

К формированию 3-й особой бригады было приступлено в начале июня 1916 года.

¹⁷ Грузовик (прим. ред.).

Начальником бригады был назначен генерал-майор Марушевский, командирами полков: 5-го – полковник Нарбут и 6-го – полковник Симонов.

Штаб бригады и 5-й полк формировались в Екатеринбурге, 6-й полк – в Челябинске.

Полки формировались частью путем выделения целых рот из действовавших полков (3 роты в каждом полку), большей же частью из запасных батальонов (остальные 9 рот).

Бригада предназначалась на французский фронт и должна была быть перевезена морем из Архангельска в Брест.

Формирование бригады совпало по времени с известным наступлением армий генерала Брусилова в Галичину, в течение которого русские армии понесли огромные потери (некомплект до 200 тысяч человек). Естественно, что это обстоятельство неблагоприятно влияло на скорость формирования частей названной бригады. Генерал Алексеев полагал также, что неизбежно должны будут встретиться затруднения в комплектовании 4-й и 5-й особых бригад, что возможно даже возникновение необходимости использовать 6-ю и 7-ю особые бригады на русском фронте.

Посадка бригады, для перевозки морем частей 3-й бригады, намечалась на начало августа.

Однако 7 августа один из русских местных пароходов неожиданно напоролся на неприятельскую мину и затонул при выходе в море. Через день на том же месте погибло от мины английское рыбацье судно.

Потребовалась поэтому тщательная очистка от мин входного канала, которая и заняла несколько дней. Этот случай задержал не только отправление частей 3-й особой бригады, но даже последнего эшелона, с людьми запасного батальона, 2-й особой бригады. Только 18 августа началась посадка головы 3-й особой бригады.

19 августа Архангельск покинули три английских парохода с 5-м особым полком. По рассказу офицера, следовавшего в этом эшелоне, все три парохода шли вместе и без всякого непосредственного прикрытия почти до самых берегов Франции. Сами пароходы имели, впрочем, некоторое вооружение. В пути перехватывались тревожные радиogramмы о розыске судов немцами, вследствие чего приходилось менять курсы. Это замедляло движение, но зато сбивало неприятеля. Изредка в море встречались плавучие мины, которые тут же расстреливались. Ночью огни на пароходах тушились, и все люди должны были спать в спасательных поясах. Эта предосторожность больше забавляла людей, чем их нервировала. Стоял август месяц, и перспектива очутиться неожиданно в воде мало кого утешала. Тем более что кормили хорошо, плыть было относительно удобно, а капитан парохода своим видом и спокойствием внушал полное доверие.

Однако же для сокращения всяких неприятных возможностей русские власти просили воспретить французской прессе сообщать о выходе пароходов с русскими войсками из Архангельска и о прибытии их в Брест.

Но, по-видимому, не всем частям бригады пришлось ехать с такими удобствами. Морской французский офицер, заведывавший посадкой войск в Архангельске, тревожно телеграфировал, например, 19 августа в Париж, что русские эшелоны крайне недовольны оборудованием некоторых французских пароходов и что он опасается даже отказа распоряжения о посадке. Между тем, добавлял он, снабжение пароходов всем необходимым для удобного размещения войск затрудняется отсутствием на месте достаточного числа опытных рабочих и необходимых материалов. Только 31 августа удалось отправить в морской путь последние части 3-й особой бригады.

Вслед за 3-й особой бригадой было приступлено к формированию 4-й такой же бригады.

Почти одновременно генерал Алексеев счел себя вынужденным заявить о необходимости временного отказа от дальнейшей отправки во Францию дальнейших бригад (5, 6 и

7-й), предполагая их, по сформированию, использовать в Добрудже для поддержки вновь нарождавшегося (август 1916 года) румынского фронта.

Начальником 4-й бригады был назначен генерал Леонтьев. Командирами полков: 7-го – полковник Мочульский и 8-го – полковник Грундштрем. Оба молодые, энергичные офицеры Генерального штаба.

Состав бригады оставался почти прежним – 180 офицеров и 9368 солдат.

В отношении назначения бригады было заранее определено, что она будет использована в Македонии, на салоницком фронте. В соответствии с этим предположением состоялось и назначение начальником бригады генерала Леонтьева, долгое время бывшего военным агентом сначала в Софии, а затем в Константинополе.

Маршрут бригады намечен был тот же, что и 2-й особой бригады: Архангельск – Брест – Марсель – Салоники.

При формировании полков была применена смешанная система: 3 роты в каждом полку были взяты из состава действующих полков русской армии, остальные 9 рот – формировались из людей запасных батальонов. При этом, вследствие истощения категории запасных, в состав этих рот попали и ратники ополчения 1-го разряда, получившие лишь поверхностное военное образование. Офицеры – преимущественно из категории военного времени.

Несмотря на все настояния французского посла в Петербурге М. Палеолога, отправление бригады могло начаться лишь 11 сентября.

С каждым новым транспортом увеличивались затруднения по соответственному оборудованию пароходов, так как, ввиду наступления холодного времени, приходилось озаботиться снабжением жилых помещений пароходов отоплением. Поэтому архангельские власти были очень встревожены полученным из Петербурга известием о том, что последние эшелоны бригады могут прибыть в порт не ранее 5 октября вместо вначале предположенного конца сентября.

По заявлению генерала Беляева, исполнявшего обязанности начальника генерального штаба в военном министерстве, явились даже затруднения в укомплектовании бригады, вызванные необходимостью спешно обеспечить рабочими русские заводы и кроме того дать населению возможность закончить очередные земледельческие работы. Вместе с тем было признано необходимым ввиду печального случая, происшедшего в Марселе в одном из эшелонов 2-й бригады, производить еще более тщательно выбор людей в формируемые для заграничных фронтов бригады.

Печальный случай, о котором упоминается, заключался в том, что в одном из прибывших в середине августа в Марсель батальонов 2-й бригады был убит подполковник Краузе, прибывший в лагерь Мирабо с целью водворения порядка среди буйствовавших там солдат.

Соображения генерала Беляева, однако, не имели решающего значения: части 4-й особой бригады были все же отправлены из Архангельска в середине сентября. Следуя через Брест и далее по железной дороге, они уже в начале октября стали прибывать в лагерь близ С. Рафаэля, откуда непосредственно должны были следовать в Салоники.

По сохранившимся сведениям, генерал Леонтьев прибыл в С. Рафаэль 1 октября; последний же эшелон командуемой им бригады ожидался на юге Франции 8-го числа того же месяца.

Решающим соображением, заставившим ускорить формирование и отправку частей 4-й особой бригады, явилось, по-видимому, заявление британского адмиралтейства, которое ввиду замерзаемости берегов Белого моря определило в качестве крайнего срока отправки английских судов из Архангельска 5 ноября. С этим решением приходилось считаться, хотя, по мнению французских представителей, срок этот являлся слишком преждевременным.

Тем не менее и французы считали возможным оставление пароходов в порту только до 15 ноября.

После этого срока пароходы могли отправляться только из Колы, куда люди и грузы должны были подаваться или при помощи ледоколов, или по железной дороге. Но открытие Мурманской железной дороги могло ожидать к ноябрю лишь в том случае, если не запоздают рельсы, заказанные в Америке и Англии.

Хотя, в действительности, движение по Мурманской железной дороге открылось 18 ноября, но все же перевозка по вновь выстроенной в тяжелых условиях войны железнодорожной линии не могла быть точной и всегда существовал риск длительных и частых перебоев в движении.

Надо при этом иметь в виду, что кроме войсковых частей, составлявших особые бригады, во Францию и Македонию надлежало направлять еще команды пополнения, предназначенные на покрытие убыли в уже отправленных частях. В общем, для удовлетворения этой потребности необходима была дополнительная отправка довольно значительного числа людей. К сожалению, определить точную цифру этих пополнений по имевшимся данным не удалось. Сохранились, однако, телеграммы, из которых видно, что численность пополнений, перевозившихся в октябре и только для македонских бригад, достигла 6 тысяч человек. Вероятно, не меньше требовалось и для бригад, осевших во Франции.

Все эти данные приводятся с целью подчеркнуть, на какой хрупкой нитке держалась связь России с западными державами и как тяжело было для нашей Родины отправление частей ее армии на заграничные фронты. К изложенному необходимо еще добавить, что в течение августа и сентября из России были отправлены во Францию несколько тысяч военнопленных эльзасцев и итальянцев, взятых в плен в войсках наших противников.

С наступлением темного осеннего времени стали ходить тревожные слухи о появлении у берегов Норвегии германских подводных лодок. Русское Военное министерство при таких условиях совсем отказывалось продолжать отставку русских солдат во Францию без эскортирования пароходов с людьми французскими военными судами.

В архивных делах имеется несколько интересных телеграмм, ярко рисующих ту обстановку, в которой приходилось совершать осенью перевозку воинских чинов во Францию из Архангельска. Вот, например, один случай: французские пароходы «Венесуэла», «Фригия», «Плата» и «Мингрелия» погружены были шедшими на пополнение 2-й и 4-й бригад людьми из Архангельска в последних числах октября. Будучи задержаны в течение нескольких дней на базе вследствие появления в Белом море германских подводных лодок, они возвратились обратно в порт ввиду той большой опасности, которой подвергались перевозимые. Так как наличие подводных лодок в Белом море устанавливалось нападением их на один из пароходов, перевозивших из России взятых в австрийских войсках в плен итальянцев, а также встречей с неприятельскими лодками нашего «Екатеринослава», то русское Военное министерство решительно воспротивилось вторичной попытке отправки этих эшелонов во Францию. На заявление французского морского атташе в Петрограде¹⁸ о том, что пароходы вооружены и что, уйдя из Архангельска, они не в состоянии будут более вернуться в Белое море, ибо переводятся на линию Марсель – Салоники, названному лицу было заявлено, что решение прекратить посылку войск окончательное и исходит от Государя императора.

Однако в следующие дни архангельскими властями была получена телеграмма, извещавшая о разрешении выполнить намеченную перевозку, и 7 ноября все названные выше четыре парохода, конвоируемые до Северного мыса французским военным стационаром, вышли в море.

¹⁸ Телеграмма его в Париж от 2 ноября (15) 1916 года.

Таким образом, в течение 1916 года, несмотря на выполнение огромной по размерам и понесенным потерям «брусиловской» наступательной операции, спасшей от разгрома Италию, а также невзирая на необходимость самым широким образом прийти на помощь Румынии, фронт которой был совершенно смят германо-австрийцами, русское Верховное главнокомандование сумело сформировать 4 отдельные бригады, предназначив таковые по две на французский (1-я и 3-я) и македонский (2-я и 4-я) фронты. Кроме того, из подходивших к концу резервов пополнения были выделяемы люди для восполнения в названных бригадах убыли и, как увидим дальше, даже для обеспечения этих же бригад постоянными артиллерийскими и инженерными частями, обеспечения – вызывавшегося боевой обстановкой и проектами сведения названных бригад в дивизии.

По сведениям французского Генерального штаба от 27 ноября 1916 года, в течение названного года во Францию и Салоники было вывезено русских воинских чинов – через Архангельск – 635 офицеров и 34 975 солдат и через Дальний Восток – 110 офицеров и 8572 солдата, а всего – 745 офицеров и 43 547 солдат.

Глава III

Французские кадры в русских частях. – Две системы формирования русских особых бригад. – Впечатление, произведенное русскими войсками во Франции и в Париже. Отношение к этим войскам местного населения. – Русский «Мишка». – Довольствие русских воинских частей. – Моральные условия их пребывания во Франции.

Считаясь с незнанием языка и местных условий, инициаторы посылки русских войск на французский фронт находили необходимым иметь в составе последних некоторое, и даже довольно значительное, число французских офицеров и солдат. По первоначальным предположениям, из 203 офицеров в 1-й бригаде намечалось иметь 91 французского офицера и сверх таковых еще 62 унтер-офицера и 243 солдата. Таким образом, весь младший командный состав должен был, по существу, являться как бы смешанным. Французские чины должны были пользоваться известной автономией, имея в составе полка свою собственную иерархию. Однако весьма скоро такое обилие французских чинов в русских частях оказалось излишним и даже малосоответственным, придавая неоднородный состав офицерской среде. Генерал Лохвицкий уже в начале июля 1916 года высказывался в том смысле, что для связи с французскими частями и в качестве переводчиков достаточно иметь по одному французскому офицеру при командире полка и каждом батальоне, не считая нескольких офицеров-специалистов по разным отраслям знаний, в которых может встретиться необходимость по условиям позиционной войны. Само собой разумеется, что в составе штаба бригады признавалось необходимым сохранить также нескольких французских офицеров, и в числе их, для связи со штабами французских армий, хотя бы одного офицера генерального штаба.

Мнение это было принято и, в соответствии с ним, штат последующих бригад в отношении числа офицеров и солдат из состава французской армии был значительно изменен; 1-я же бригада получила впоследствии, для пополнения своего штата, дополнительное укомплектование русскими офицерами и солдатами.

Уже ко 2-й русской бригаде было прикомандировано всего только 6 офицеров по следующему расчету: а) к штабу бригады – офицер генерального штаба, б) к каждому полку – по одному офицеру для связи и одному офицеру по административной части, и в) к маршевому батальону – один офицер по административной части.

Однако 2,5-месячным боевым опытом генерал Дитерихс пришел в ноябре 1916 года к заключению, что французские офицеры в качестве переводчиков нужны при каждом командире батальона, в особенности для связи с обслуживавшей пехоту французской артиллерией. Боевой опыт показал, что просьба пехоты, плохо переведенная на французский язык или плохо понятая, может привести к печальным недоразумениям. Что касается до унтер-офицеров, то таковые служить переводчиками не могут, не обладая необходимыми техническими сведениями.

Ввиду этих соображений генерал Дитерихс просил генерала Саррайля о дополнительном прикомандировании к бригаде шести офицеров. Просьба эта была в январе 1917 года удовлетворена, и обе македонские бригады получили добавочных французских офицеров, из числа оказавшихся излишними в 1-й бригаде.

Система формирования бригад, принятая в России, не была, по-видимому, достаточно внимательно продумана. Части, вошедшие в состав 1, 3 и 4-й бригад, формировались, как мы видели, преимущественно из людей запасных батальонов одного какого-либо определенного района. Офицеры же назначались хотя и по выбору, но не только из полков, а также и из очередной молодежи военного времени. Такой способ комплектования имел крупные недостатки, заключавшиеся в том, что хотя и не была исключена возможность производ-

ства тщательного отбора людей, но сформированные этим путем части являлись без всякой внутренней спайки и в большинстве из числа людей, не бывших еще в огне. Кроме того, эти части сохраняли на себе характер и отпечаток населения того района, из которого черпались люди. Я уже отмечал ту разницу, которая должна была наблюдаться, например, при сравнении физиономий 1-го и 2-го особых полков. Еще значительнее должна была быть эта разница во внутренней психологии между полками 1-й особой бригады и 3-й, формировавшейся уже не только из запасных частей, но и путем выделения из действующих частей целых рот. Разумеется, в боевом смысле и, главное, в отношении дисциплины полки, формировавшиеся путем выделения рот из действующих частей, должны были иметь, говоря теоретически, больше положительных данных. Но только при одном условии – вдумчивом и добросовестном отношении исполнителей к вопросу о том, как именно следует понимать и осуществлять мысль, положенную в основу этой системы.

В период формирования особых бригад автор этих строк состоял командиром одного из корпусов, действовавших на западном фронте. Получив распоряжение о выделении на формирование новой части роты из состава одного из полков корпуса, им был отдан приказ о производстве в назначенном полку жребьеметания для определения номера роты и о выделении из полка вынувшей жребий роты согласно тому именно списку, в котором она состояла ко дню отдачи командующим армией упомянутого распоряжения. Зная служебную педантичность соответственного начальника дивизии и порядки, укоренившиеся в корпусе, я мог быть уверен в точности исполнения отданного приказа. Но не сомневаюсь, однако, что, наряду с таким порядком исполнения, бывали в других корпусах случаи подмены чинов в назначенной к выделению роты, с целью ли сохранения у себя в части какого-либо особо ценного чина, освобождения выделяемой части от слабых элементов, или, наоборот, из-за стремления выгодно блеснуть тщательностью сделанного подбора. Все эти мотивы, к сожалению, были в привычках нашей прежней русской армии. Из рассказов офицеров знаю, например, что для отправки во Францию в одном полку, номер которого мне даже называли, была особо сформирована рота «великанов», то есть людей из различных рот полка, отличавшихся высоким ростом. Это ли «сознательное» отношение к боевым требованиям и к святости закона о важности «внутренней спайки», столь ценной во всякой воинской части! Командир упомянутого полка, из чувства может быть даже благородной ревности к внешней репутации своей части, подорвал одновременно и ее собственные боевые качества и намерения лица, желавшего гарантировать вновь формируемому полку известную внутреннюю целостность!

Отдавая должное храбрости и самоотверженности русского воина вообще, но предугадывая недостаточность боевого опыта во всякой заново сформированной части, равно принимая во внимание особенности борьбы на французском фронте, требовавшей, например, исключительного внимания к сохранению за собой пространства, французский военный атташе в Петрограде телеграммой в Париж от 11 мая 1916 года выражал свое мнение о желательности проведения прибывающих во Францию русских частей не только через учебный лагерь, где части эти могли бы ознакомиться теоретически и практически со всеми инструкциями и приемами борьбы на западном фронте, но и отправки русских частей небольшими партиями на фронт Вердена, который мог считаться лучшей практической школой в районе французской армии. Известно, что через опыт Вердена прошло до 60 французских дивизий, то есть свыше $\frac{2}{3}$ французской армии, и что на полях, окружавших этот пункт, французская армия получила ту закалку воли, которая привела страну к конечной победе.

Однако французское военное начальство приняло предложенную ему программу не полностью. Вместо командирования на фронт Вердена оно организовало вблизи Вердена лишь особые краткосрочные курсы, через которые была пропущена часть русских офицеров.

Прибывшие во Францию русские воинские части встречались населением, как уже отмечено, с восторгом. В начале войны французскому народу пришлось пережить немало испытаний. Конечно он знал, что там, где-то на востоке, у него есть сильный союзник, который готов прийти ему на помощь и не оставить его одного. Но теперь эту помощь он ощутил наяву. Перед ним проходят стройные русские ряды, которые явились, чтобы принять участие в непосредственной защите французской земли от грозного врага. Его поражала внешняя выправка русского солдата, которая производила неотразимое впечатление на французов, мало избалованных стройностью движений их воинских частей. Читатель сам может судить о степени этой выправки по фотографии, приложенной к настоящей книге. На ней изображен батальон, специально перевезенный в Париж для участия в параде столицы. Удивление читателя видом этой части будет еще более значительным, если он вспомнит, что все это происходило весной 1916 года, после тех военных неудач, которые русской армии пришлось пережить в течение предшествовавшего лета.

Поистине крепок дух русского народа!

По рассказам русских офицеров, входивших в состав особых бригад, восторги и симпатии французского народа сопровождали русских солдат с первого же часа вступления их на французскую территорию. Повсюду русских воинов встречали цветами и вином, и даже тогда, когда солдат размещали по казармам и у ворот появлялись обычные дневальные, к стенам казарм приставлялись лестницы и угощение перебрасывалось в корзинах и пакетах через заборы.

Изъявлению внимания не было конца и в пути, во время следования по железным дорогам. На каждой станции появлялось для солдат угощение, а офицерские отделения в вагонах забрасывались цветами. Для сокращения случаев чрезмерного употребления вина пришлось даже прекратить продажу спиртных напитков по пути следования наших солдат. Но это запрещение не всегда гарантировало эшелоны от некоторых излишеств. Равным образом и в лагерях, куда отводились русские солдаты для временного пребывания, местное население спешило выражать свое гостеприимство, принося угощение к баракам и бесплатно предлагая его желающим. Печальным результатом одного из таких импровизированных пиршеств и явился уже рассказанный инцидент в одном из полков 2-й бригады, закончившийся трагической гибелью подполковника фон Краузе, имевшего к тому же несчастье носить немецкую фамилию.

Огромный фурор среди французов производил сопровождавший одну из рот 5-го полка медвежонок Мишка. Этот шутник был приобретен офицерами полка в Екатеринбурге за скромную сумму в 8 рублей. Вместе с полком он проделал всю кампанию на французском фронте и до революции был любимцем и баловнем всего полка. Солдаты охотно с ним боролись и внимательно кормили его. Он был известен и французскому начальству до командующего 4-й армией генерала Гуро (Gouraud) включительно. Но лично Мишка дружелюбно относился только к людям, одетым в «хаки» (русские солдаты). Цвет одежды французских солдат вызывал в нем чувство некоторого недоверия. В одном из боев медвежонок, постепенно превратившийся во взрослого медведя, был слегка отравлен неприятельскими газами, но, благодаря заботам чинов полка, быстро оправился. В награду за данный бой он был зачислен в полку на особый паек.

Революционное брожение 1917 года отразилось, однако, и на судьбе бывшего любимца полка. Как принадлежавший поначалу офицерам, он подвергся несправедливым гонениям и однажды серьезно был облит кипятком. Кто знает любовь к животным и добродушие русского человека, тот не усомнится, что это было делом очень злой агитации против офицеров. Однако с Мишкой полку пришлось все же расстаться. Он был отдан в парижский «Jardin d'acclimatation», где, естественно, оказался за железной решеткой. Первое время о нем участливо заботились, но потом постепенно имя его было забыто, а сам он переведен в разряд

обыкновенных пансионеров названного учреждения. Существует ли он по настоящее время и помнит ли о былых проказах и шутках, которыми на полях Шантильи он забавлял родных ему обитателей уральских «медвежьих» углов?¹⁹

Согласно письменному соглашению, заключенному 11 мая 1916 года между представителями Франции Р. Вивиани и Альбером Тома с одной стороны и начальником штаба русского Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым с другой, французское правительство обязывалось принять на себя все заботы и расходы по перевозке, вооружению и содержанию войск, подлежащих отправлению на французский и македонский фронты.

В одном из заседаний, имевших место в Париже и обсуждавших вопрос о порядке покрытия расходов по содержанию русских бригад, наш бывший военный агент в Париже полковник граф Игнатъев сделал заявление, что русские бригады должны рассматриваться французами как французские части, ибо только одна Франция получила со стороны России непосредственную братскую помощь. С этой мыслью французские представители Военного министерства согласились, подтвердив, что «nous n'avons pas intérêt à ce que les Anglais interviennent dans cette question uniquement franco-russe»²⁰. Такой характер специальной франко-русской кооперации и сохранило командирование русских войск не только на французский, но и на македонский фронты.

В соответствии с этой точкой зрения, состоявшимся соглашением между русским и французским правительствами было установлено, что на попечение русского правительства остается только покрытие расходов: а) по обмундированию, снаряжению, лагерному расположению, уплате жалованья, продовольствия и покрытие разных хозяйственных потребностей командиремых во Францию войсковых частей; б) по оплате жалованья и обмундированию личного состава этих частей, находящихся в лечебных заведениях. Французское же правительство должно принять на себя все расходы по снабжению и возобновлению всего необходимого для командиремых частей материального имущества и перевозочных средств, а также по содержанию в госпиталях больных и раненых русских воинских чинов, равно и все вообще расходы по содержанию прикомандировываемых к русским войскам французов.

Денежные ресурсы, подлежащие покрытию из русской казны, текли в командированные части двумя путями: 1) через начальника тылового управления, который получал ежемесячно на текущие потребности 620 тысяч франков, и 2) через начальников дивизий, которые получали на каждую дивизию ежемесячно через военного агента в Париже чеками по 3,5 миллиона франков на жалование и довольствие людей дивизии. Отчеты о своих расходах дивизии отправляли непосредственно в Петроград. С приходом к власти большевиков эта система была совершенно разрушена, и положение наших войск оказалось бы трагическим, если бы французское правительство не взяло содержание русских военных контингентов с 14 января 1918 года целиком на свое попечение.

Одновременно с сим жалованье, продовольственный паек и прочее содержание русских контингентов было сравнено с содержанием соответствующих чинов французской армии.

По сравнению с прежним временем это распоряжение было сопряжено со значительным уменьшением жалованья и некоторых других отпусков, из числа которых особо чувствительным было для русского солдата сокращение пайков хлеба и сахара.

В том же соглашении 11 мая 1916 года было, между прочим, указано, что ружья, пулеметы и необходимое количество патронов, предназначенные для русских воинских частей,

¹⁹ В сборнике произведений русских воинов «На чужбине» (издание газеты «Русский Солдат-Гражданин во Франции») мне удалось найти иллюстрацию, изображающую Мишку, готовящегося вступить в борьбу со своим приятелем-солдатом по всем правилам боксерского искусства. Кругом толпа смеющихся земляков 5-го полка.

²⁰ Не в наших интересах было, чтобы англичане вмешались в этот исключительно франко-русский вопрос. (фр.)

отправляемых во Францию, должны прибывать в Россию по возможности за два месяца до отбытия частей с целью предварительного ознакомления их с устройством и употреблением незнакомого образца вооружения в период формирования и перевозки.

Такой порядок и был применен в отношении частей 1-й и 2-й особых бригад. Посылку же ружей в Россию для 3-й и последующих бригад генерал Жоффр предложил отменить в видах риска двойной перевозки морем ружей в Россию и с людьми обратно во Францию. Взамен этого намечалось постепенное сосредоточение ружей в Бресте, где прибывающие русские войска и могли их получать тотчас же по высадке. Что же касается обучения в России, то для такового могли служить предметы вооружения, отправленные туда для 2-й особой бригады. Русское Военное министерство согласилось на этот проект, но когда осенью 1916 года для него выяснилась невозможность отправки во Францию 5, 6 и 7-й особых бригад, то оно обратилось к французскому правительству с просьбой выслать заготовленные винтовки для использования их в России, в целях вооружения новых формирований. Пример этот ярко свидетельствует, какова была нужда России в ружьях, постепенно обострившаяся до крайности! К этому времени на вооружении Кавказской армии уже находилось до 40 тысяч асбелевских винтовок.

Пулеметы и прочие предметы технического снабжения, а также обоз особые бригады должны были получить во Франции. Все эти предметы, а также необходимые под верх и для упряжки лошади сосредоточивались для бригад, остававшихся во Франции, в тех лагерях, куда перевозились эти бригады для окончания своего формирования. Бригады же, следовавшие на македонский фронт, должны были многое получить по прибытии их в Салоники. Ввиду особенностей этого театра 2-я и 4-я бригады были снабженывьючным обозом и мулами по примеру французских дивизий, действовавших на этом фронте. Из России же все бригады привезли с собой лишь походные кухни и ротные повозки в строго необходимом числе.

В материальном отношении чины бригады были обставлены русским правительством более чем хорошо. Они получали гораздо больше, чем их французские сотоварищи. Русский капитан, например, получал в месяц, со всеми добавками, 1577 франков, содержание же французского офицера в том же чине равнялось всего только 689 франкам. Русский подпоручик получал в месяц 804 франка, французский же су-лейтенант – всего 472 франка. Такая же значительная разница в содержании существовала и среди солдат обеих армий.

Она была особенно заметна для рядового солдата, который во французской армии получал в месяц всего 7,5 франков; русский же рядовой, вместе с суточными, на французском фронте имел в месяц около 50 франков.

Русские войска прибывали во Францию в отличном обмундировании цвета «хаки», в снаряжении и прочной обуви. Но и в дальнейшем наше интендантство не переставало заботиться о поддержании обмундирования в должном порядке. Сохранилось, например, сведение (от 25 февраля 1917 года) о распоряжении главноинтендантского управления по отправке в Марсель 180 тысяч блуз и 120 тысяч штанов. Со своей стороны и французское интендантство проявляло внимание к нуждам русских частей. Между прочим оно специально изготовило для русских бригад металлические каски, выкрашенные в защитный цвет и снабженные гербом с русским двойным орлом.

Общий порядок снабжения русских войск вещами был установлен письмом генерала Алексеева²¹ начальнику французской военной миссии при Ставке, из которого видно, что наше главное интендантское управление имело в виду отпускать потребное количество обуви и сукна (защитного и шинельного) непосредственно французскому интендантству, которое должно было затем озаботиться пошивкой из этого сукна необходимых вещей, а

²¹ № 4422 от 22 августа (4 сентября) 1916 года.

равно снабжением войск прочими предметами вещевого довольствия, с возвращением всех расходов французскому правительству из русской казны.

Что касается продовольствия, то в одном из циркуляров французского военного министерства от 27 марта 1916 года можно найти подробные сведения о размерах того солдатского пайка, который был установлен для русских войск. В основу его был положен нормальный паек французского солдата, но с видимым стремлением приспособить его ко вкусу русского простолудина. Обычный французский кофе заменен чаем; установлен дополнительный отпуск для каши и крупы (*gruaux ou Sarazin*) и предусмотрен соответственный отпуск даже для кваса (*ration supplémentaire pour le Kvas – pain de seigle avec malt*).

Вскоре, однако, по прибытии первых же частей во Францию (апрель 1916 года), состоялось распоряжение об отпуске русским войскам вина как входящего в рацион французского солдата. Получали чины русских частей также наравне с французскими войсками и табак.

Жалобы со стороны русских солдат раздавались только по поводу малого суточного рациона хлеба, который для французского солдата установлен в 700 граммов ($1\frac{3}{4}$ русского фунта).

Что касается реквизиций для русских частей, то право установления их было предоставлено командующим теми армиями, к которым были придаваемы эти войска, а самое производство сосредоточено в руках представителей французского интендантства.

Самым тяжелым и трудно разрешимым вопросом являлся вопрос лечения больных и раненых русских воинов. Производилось оно за счет французского правительства во французских лечебных заведениях. Пребывание русских воинских чинов во французских госпиталях всегда оставляло у них известный осадок в душе. Не зная языка и не имея возможности ни перед кем высказаться, русские офицеры и солдаты, естественно, не могли пользоваться всей полнотой ухода в том лечебном заведении, в котором они находились и, более чем когда-либо, чувствовали свое одиночество и отчуждение от всего близкого и родного.

Лишь к середине 1917 года были приняты некоторые меры по сосредоточению в определенных пунктах русских больных и раненых, с привлечением в госпитали этих пунктов русских врачей и русских сестер милосердия на службу, а также по изданию на русском языке установленных правил для больных.

Отсутствие приданных к бригадам санитарных частей чувствовалось особенно на македонском фронте, где заболеваемость всякого рода болезнями была очень велика. Начальник 2-й особой бригады генерал Дитерихс еще по пути в Салоники телеграфно просил русский Генеральный штаб о высылке в его распоряжении санитарного отряда. Просьбу генерала Дитерихса поддерживал также генерал Саррайль, главнокомандующий македонским фронтом, находя необходимым наличие лечебного заведения, в котором понимали бы русский язык. Однако лишь впоследствии к русским войскам присоединились учреждения русского Красного креста, которые имели во главе даже своего особого уполномоченного.

В долгие дни вынужденного болезнью или ранением молчания особенно чувствительно было отсутствие регулярных известий с родины. Почтовые сношения между Россией и Францией были организованы недостаточно удовлетворительно, да и вообще они были весьма затруднительны по военным условиям. Вся корреспонденция русских войск с Россией должна была собираться в один пункт (Труа) и проходить через длительную цензурную контрольную комиссию. От плохой налаженности почты очень страдали чины наших бригад, находившиеся за границей. Многих охватывала жуть одиночества и тоски по родине и своим близким. Особенно эти чувства усилились в период революции, когда для солдат выяснилось, что на родине у них происходят какие-то им хотя и малопонятные, но, по-видимому, весьма важные пертурбации.

Надо отдать справедливость некоторым членам русской колонии в Париже, которые, из побуждений доброго сердца, вступили в переписку с этими простыми людьми, заброшен-

ными на чужбину, стараясь их подбодрить и быть им полезными делом и словом. В моем распоряжении была целая пачка ответных солдатских писем, из чтения которых я усмотрел, с какой трогательностью некоторые русские парижские корреспонденты старались облегчить душевное настроение наших солдат и с каким участливым вниманием они относились к каждой солдатской просьбе.

Конечно, наряду с такой перепиской велось, вероятно, другой серией корреспондентов и распропагандирование наших военных контингентов, пользуясь их неуравновешенным состоянием духа. Но об этом я могу судить только косвенно.

Чтобы прийти на помощь русской колонии и хотя бы до некоторой степени заменить во Франции русским солдатам их отсутствующие семьи, очень привился институт так называемых «*mairaines*» (крестных матерей). Были, вероятно, и легкомысленные женщины, примкнувшие с другими целями к этому искреннему движению женского сердца, но такие случаи были, несомненно, исключениями. Большинство же, из числа добровольно возложивших на себя обязанности по званию «*mairaine*», понимали свой долг вполне чисто. Есть же у этих одиноких, заброшенных на чужбину людей свои матери, сестры и семьи, которые оплакивают их отъезд в далекую неизвестную страну, на защиту неведомых союзников! Облегчим же их душу нашим участливым к ним отношением! Какая радость для них получить в окопе письмо или пустяшный знак внимания! Не напомним ли этот предмет лишний раз о том сердце, которое тревожно бьется там где-то в далекой России! В виде некоторого курьеза отмечу, что и медведь Мишка имел свою «*mairaine*» в лице известной танцовщицы того времени. Трогательно заботилась она о своем питомце, когда он попал в результате революционного времени в неволю. Помнит ли она о нем теперь? Да и жив ли сам узник по сей час? Не пойти ли его провести?

Круг чтения русского солдата за границей не был велик и разнообразен. На эту потребность было обращено, к сожалению, мало внимания. Те из русских воинов, которые были мало знакомы с французским языком, питались главным образом случайно доходившими до них русскими журналами и газетами.

Зато агитационная литература была обильна. Она шла и с фронта от неприятеля и с тыла. В моих руках были целые сборники с лаконической надписью: «В лагерях раздается бесплатно».

Впрочем, по инициативе Поля Думера, во Франции незадолго до прибытия 1-й бригады образовалось Общество друзей русского солдата, которое, прежде всего, поставило себе цель сделать что-либо для осведомления русских войск о ходе военных действий на различных фронтах. При посредстве названного общества было приступлено к изданию на русском языке еженедельной газеты, переименованной с № 5 в «Военную газету для русских войск во Франции». В ноябре 1916 года русский Военный совет отпустил даже особые средства на эту газету, которая сделалась изданием главного управления Генерального штаба. Газета находилась одно время под редакторством Г. В. Семенова.

Издававшаяся затем после революции на русском языке газета для солдат «Русский Солдат-Гражданин во Франции» не пользовалась покровительством французских властей, и в январе 1918 года, когда все расходы по содержанию русских военных контингентов перешли к французскому правительству, последнее возбудило вопрос о ее закрытии, мотивируя это свое предложение необходимостью сокращения расходов.

Газета эта являлась органом отрядного комитета русских войск во Франции, издавалась редакционной комиссией и подписывалась первые месяцы, в качестве ответственного редактора, младшим унтер-офицером В. Драбовичем.

Она была, безусловно, противобольшевистской, стояла за войну и союз с державами Соглашения, но в отношении внутренней политики являлась с несомненным социалистическим налетом, хотя и претендовала быть внепартийной.

Из переписки по поводу этой газеты видно, что высший военный представитель во Франции генерал Занкевич высказывался в защиту этого издания, подкрепляя свое мнение теми доводами, что газета имеет все же сдерживающее влияние на русских солдат и, будучи в связи с парижским осведомительным бюро, служит почти единственным источником для информации русских войск в том, что делается на Родине. Что же касается расходов, то они, по-видимому, были сокращены, так как, начиная с февраля 1918 года, названная газета стала выходить при поддержке американского Христианского общества молодых людей (УМСА). Как известно, это общество, в то время может быть плохо разбиравшееся во внутренних делах России, весьма широко шло навстречу вообще всем просветительным и духовным нуждам русских войск за границей.

Кроме «Русского Солдата-Гражданина во Франции» в среде войсковых частей обращалось еще «Общее Дело», издаваемое В. Л. Бурцевым. Газета эта являлась ярко антибольшевистской и, по оценке славянского бюро французского Генерального штаба, чтение ее «кроме пользы, ничего не принесет русским военным контингентам».

Издавался еще с 1918 года журнал «Бюллетень Русской Лиги» М. Пескина.

В Салониках русское печатное слово было еще беднее. Однако энергией представителя русского Главного командования генерала Артамонова и там была создана ежедневная газета: «Русский Вестник», служившая органом для информации русских частей в Македонии. Редактором ее состоял Е. В. Аничков, нынешний профессор скопьянского университета.

Из всего изложенного достаточно ясно видно, что русское Главнокомандование, с трудом, правда, решившееся бросить за границу часть своих войск, имея в виду моральную поддержку союзников именем Великой России, обставило эти войска с большой заботливостью лишь с материальной стороны. Весьма мало было сделано при формировании этих бригад с целью получения внутренне сплоченных частей и столь же мало было обращено внимания на то, чтобы развивать и поддерживать моральное состояние этих частей на высоте их боевой задачи.

В таких условиях русские части оказались за границей почти отрезанными от Родины в дни переломных событий, которыми менялся дальнейший ход истории в России и в которых русские люди с трудом разбирались даже у себя на родной земле.

Глава IV

Общая характеристика 1916 года на западном фронте. – Camp de Mailly и пребывание в нем русских войск. – Устройство тыла. – Мысль о переформировании бригад в дивизии. – Встреченные затруднения и окончательное решение этого вопроса русским правительством.

1916 год для французов был тяжелым годом войны. Год Вердена. На полях, полукольцом окружающих этот пункт, пало до 350 тысяч французских воинов, что в общем составляет свыше 25 % всех потерь Франции за все время войны. Страшно подумать, сколько было пролито крови на этом сравнительно небольшом пространстве земли, протяжением около 30–40 километров по фронту и глубиной всего лишь в несколько километров!

Сам по себе Верден вряд ли мог иметь для немцев самостоятельную стратегическую ценность. В географическом отношении пункт этот лежал в стороне от главных операционных направлений на Париж и Кале – двух направлений, имевших в минувшую войну для немцев исключительно важное значение на французском фронте. И если в феврале 1916 года германское Верховное главнокомандование решилось начать настойчивые атаки именно на Верден, то, надо думать, что этими атаками имелось в виду лишь вырвать инициативу действий из рук наших западных союзников, оттягивая их внимание в сторону и лишив их этим возможности произвести наступательную операцию, становившуюся уже опасной для немцев.

Постепенно, однако, вопрос отстаивания Вердена стал для французов вопросом не стратегической целесообразности, а их национальной чести и достоинства. Такова, надо думать, основная причина, в силу которой дело обороны Вердена, по крайней мере в первой, главной его фазе, было проведено исключительно французскими войсками, не желавшими прибегать к непосредственной помощи со стороны союзников.

Может быть, впрочем, в вопросе о предназначении русских войск имело некоторое значение и мнение военного атташе в Петрограде, который еще в апреле 1916 года, в период прибытия во Францию 1-й особой русской бригады, предупреждал свое правительство о деликатности вопроса ее боевого использования. Он писал, что, с одной стороны, в России может явиться недовольство, если упомянутую бригаду запрячут в «глухой угол», с другой же стороны, если она примет участие в слишком кровопролитных сражениях, то ей могут быть приписаны все успехи; французы же одновременно подвергнутся упрекам в пренебрежении русской пролитой кровью.

Таким образом, следуя приведенному совету, необходимо было найти для русских войск какое-то среднее решение.

Ввиду того что прибывшей в первую голову русской бригаде необходимо было закончить свое формирование, являлось вполне естественным подумать о перевозе ее из пункта высадки (Марсель) в какой-нибудь пункт вне района военных действий. Было решено направить бригаду в лагерь Майи (Camp de Mailly), находящийся в Шампани вблизи Шалон-сюр-Марн (Châlons-sur-Marne), на южном берегу названной реки. Этим назначением уже отчасти предопределялось и дальнейшее боевое использование бригады в близлежащем районе.

Уже 23 апреля, то есть через три дня по прибытии в Марсель, бригада была перевезена в этот лагерь.

Присутствие русских войск во Франции естественно вызывало живейший к ним интерес со стороны представителей французского командования, которые пожелали лично и поскорее познакомиться с войсками своего далекого союзника поближе.

И вот для частей первой бригады потянулись дни смотров, чередовавшиеся с приемом прибывавшего имущества и с домашними занятиями, которые служили для подготовки частей бригады к предстоявшей им боевой службе.

Кроме бывшего в то время представителя русского Главнокомандования генерала Жилинского, являвшегося прямым начальником русских частей во Франции, в лагерь Mailly приезжали смотреть бригаду командующий 4-й армией генерал Гуро, в районе которого находился названный лагерь, главнокомандующий французскими армиями генерал Жоффр и, наконец, президент Французской Республики Р. Пуанкаре.

Своим внешним видом, бодрым настроением и лихой выправкой бригада оставляла по себе блестящее впечатление. Все в ней, начиная от молодого начальника бригады, производившего на своей прекрасной серой лошади импозантное впечатление, до последнего солдата, подтягивавшегося из всех сил в своем хорошо пригнанном новом обмундировании и снаряжении, придавали бригаде внешний вид отборной части. Особенно воинственно выглядели люди в своих стальных касках, которые доставлены были бригаде французским интендантством и в которых офицеры и солдаты выступали уже на смотрах перед генералом Жоффром и президентом Республики.

Захваченный прекрасным видом бригады, президент Французской Республики тут же после смотра самолично надел на генерала Лохвицкого командорский крест Почетного Легиона.

Время пребывания бригады в лагере Майи совпало с визитом в Париж делегации от русского Государственного совета и Государственной думы. Члены делегации также посетили бригаду, а член думы Шингарев произнес даже перед чинами бригады небольшую, воодушевлившую всех речь.

Хотя все эти торжества и отрывали части бригады от их повседневных занятий, но они были неизбежны и, во всяком случае, свидетельствовали о том внимании, которым сопровождалось прибытие их на французский театр военных действий.

Так как во Францию ожидалось прибытие кроме 1-й особой бригады еще других русских войсковых частей (бригады 3-я – 7-я), то французское Военное министерство решило предоставить лагерь Майи исключительно в распоряжение этих войск. Оттуда были выселены все французские офицерские семьи, занимавшие офицерские помещения, причем, в виде компенсации, выселенным были выданы на выезд необходимые пособия и предоставлено право занять новые квартиры по реквизиции.

В Майи намечено было устроить для русских войск необходимые склады и помещения. Там же было отведено и помещение для запасных батальонов русских бригад, действовавших на французском фронте. Лагерь вскоре превратился в русский городок. Предупредительность французских властей шла настолько навстречу желаниям и привычкам русских войск, что вместо практикующегося во французских казармах душа в лагере была устроена даже прекрасная русская баня.

Самый лагерь, как уже сказано, находился в районе, подведомственном командующему 4-й французской армией. Ко времени прибытия в лагерь русских войск этой армией командовал известный во Франции генерал Гуро, недавно оправившийся от ранения на Галлиполийском фронте, а затем с января 1917 года его заменил генерал Рок (Roques) и впоследствии генерал Антуан (Anthoine). Особенно внимательное отношение к потребностям русских войск проявил генерал Гуро, который лично, и не раз, осматривал лагерь, знакомился с русскими войсками и входил в их нужды и быт.

В декабре 1916 года распоряжением генерала Гуро в лагере Майи был устроен для русских войск учебный центр, в котором готовились разного рода специалисты. Этот центр работал настолько успешно, что через некоторое время возникла мысль об устройстве

такого же центра в Салониках. Для осуществления этой мысли в Салоники был командирован инициатор этой мысли майор Маршал (Commandant Marchal).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.